

ПОКА ДВЕРИ ЗАКРЫТЫ

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

Пока двери закрыты

<https://litres.ru/74652543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Синхронная переводчица Марина Левина приезжает в загородный дом ради обычных закрытых переговоров. Но связь отключена, ворота заблокированы, а в наушниках звучит голос её погибшего коллеги Олега. Среди гостей находятся люди, которых давняя подруга Марины считает виновными в его смерти.

Организатор требует признания, и каждый шаг к правде закрывает новый путь наружу: попытка открыть дверь отсекает лестницу, запуск архива блокирует ворота, поиск записи лишает дом безопасного воздуха. Когда единственный союзник Марины теряет сознание у котельной, ей приходится решить, что важнее — удобная версия прошлого или жизнь человека рядом.

«Пока двери закрыты» — психологический триллер о цене вынужденного признания, разрушенной дружбе и точности, которая начинается с честных слов: этого я не знаю.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Зимний контракт	5
Глава 2. Правила комнаты	23
Глава 3. Фраза не по тексту	39
Глава 4. Ворота	59
Глава 5. Голос Олега	79
Глава 6. Комната без ключа	100
Глава 7. Первая версия	126
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Даниил Орлов

Пока двери закрыты

От автора

Закрытая дверь не всегда выглядит угрозой. Иногда за ней мягкие кресла, горячий кофе и люди, которые обещают говорить только по делу. Опасность начинается там, где один человек решает, что знает правильный итог разговора и вправе отнять у остальных возможность уйти.

Эта история — о переводе, дружбе и цене точности. Переводчик может безупречно передать каждое слово, но сами слова всё равно окажутся ложью, признанием под давлением или попыткой спрятать поступок. Поэтому здесь важны не только фразы. Важны двери, провода, время записей, воздух в комнате и право человека сказать: я не согласен продолжать.

Ни одна ошибка памяти не станет волшебной разгадкой, а ни одно признание не заменит доказательства. Правда в этой книге складывается из того, что можно проверить, и из границ, которые нельзя переступать даже ради погибшего друга.

Глава 1. Зимний контракт

Навигатор потерял дорогу за двенадцать километров до пансионата.

Сначала исчезла синяя линия, потом карта стала серой, а кружок машины застыл среди условного леса. Марина постучала ногтем по экрану, хотя знала, что это не поможет. В верхнем углу ещё держалась одна полоска связи. Она успела увидеть сообщение от матери — «Не забудь спросить про палату» — и телефон показал пустой треугольник вместо сети.

— Здесь всегда так, — сказала Елена и убавила печку, будто отсутствие связи было разновидностью погоды. — За поворотом будет указатель. Старый, синий. Не прозевай.

Марина положила телефон экраном вниз в углубление возле коробки передач. В салоне пахло мокрой шерстью от её пальто и сладким кофе, который Елена купила на заправке. За лобовым стеклом снег летел почти горизонтально. Фары выхватывали белые стволы, чёрные ветви и две колеи, слишком свежие для заброшенной дороги.

— Ты говорила, там усилитель, — напомнила Марина.

— В доме. Для рабочих звонков. Обычная сеть в низине не берёт.

— Мне нужно позвонить до девяти.

— Позвонишь. У тебя же не операция сегодня.

Елена сказала это мягко, почти извиняясь, но Марина

сильнее сжала руль. Операция была не сегодня. Сегодня врач должен был решить, ставить мать в очередь на платную реабилитацию или оставить ещё на неделю в районной больнице. Разница между этими решениями стоила двух месяцев обычной работы Марины. Или одного зимнего контракта, присланного Еленой три дня назад.

Два дня в загородном доме. Переговоры российской компании с иностранным владельцем оборудования. Последовательный перевод за столом, несколько часов синхронного перевода в кабине, полная конфиденциальность. Гонорар был настолько высоким, что Марина дважды перечитала цифру и позвонила Елене вместо ответа на письмо.

«Им нужен лучший человек, а сроки горят», — сказала тогда Елена.

Вопрос о том, почему лучший человек оказался свободен за три дня до встречи, Марина задала себе, но не подруге.

— Синий указатель, — сказала Елена.

Марина увидела его слишком поздно. За снежной сеткой мелькнуло облущенное крыло стрелки: «Сосны, 4». Она нажала тормоз, машина поплыла вправо, и Елена упёрлась ладонью в переднюю панель. Шины поймали колею у самого кювета.

— Осторожнее.

— Я вижу.

— Уже вижу, что видишь.

Раньше после таких слов они смеялись. Теперь Елена при-

стегнулась, хотя до этого держала ремень за спиной, чтобы не пищал датчик. Марина сдала назад, повернула на узкую дорогу и почувствовала, как под днищем заскребла ледяная корка.

Они дружили одиннадцать лет, если не считать последние восемь месяцев, когда дружба превратилась в редкие сообщения без вопросительных знаков. Их познакомил Олег на конференции в Казани. Он привёл Елену к переводчикам после закрытия секции и объявил, что нашёл единственного организатора, способного заказать нормальный ужин после десяти вечера. Через год Елена уже выбирала Марине платье на церемонию, которой в итоге не случилось. Ещё через три знала, где лежат запасные ключи от квартиры. После смерти Олега они обе будто продолжали помнить прежний маршрут друг к другу, но всякий раз останавливались перед последним поворотом.

Этот контракт Елена назвала способом наконец перестать разговаривать сообщениями.

— Ты прочла материалы? — спросила она.

— Всё, что мне прислали.

— И?

— Приложение о неустойке переведено человеком, который не знает разницы между остановкой поставки и отказом от поставки. Если они будут обсуждать его всерьёз, мне нужен русский оригинал.

— Будет на месте.

- Список участников неполный.
- Один юрист подтвердился утром.
- Имя?

Елена посмотрела в боковое окно. Там не было ничего, кроме их отражений и снега.

— Илья Грановский.

Марина не сразу поняла, почему нога ослабила давление на газ. Машина замедлилась. Сзади в темноте никого не было, но она всё равно посмотрела в зеркало.

— Тот самый?

— Не знаю, что ты вкладываешь в «тот самый».

— Юрист «НордТеха». Он подписывал внутреннее заключение по Олегу.

— Значит, тот самый.

— Ты могла сказать раньше.

— Могла. И ты бы отказалась.

Марина сбросила скорость ещё сильнее. На этой дороге нельзя было резко останавливаться: уклон тянул машину назад, а края колеи терялись под свежим снегом. Елена знала это и знала, что Марина не развернётся посреди леса. Подруга всегда умела выбирать место для трудного разговора. Раньше это казалось заботой: важные новости она сообщала дома, ставила чайник, убирала телефоны. Теперь Марина впервые увидела в той же привычке расчёт.

— Кто заказчик?

— В договоре написано.

— В договоре посредник, которого зарегистрировали четыре месяца назад. Кто платит посреднику?

— Ты приехала переводить коммерческие переговоры.

— Я приехала, потому что ты попросила.

— И потому что тебе нужны деньги.

Елена произнесла это без нажима. Тем хуже. Она знала про больницу, про счёт и про то, что Марина уже заняла у двоюродной сестры. Знала даже, что Марина отказалась от двух коротких заказов, чтобы каждый вечер ездить к матери. Цифра в договоре вдруг перестала быть щедрой. Она стала точно отмеренной.

— Если встреча имеет отношение к Олегу, я должна знать сейчас.

— Любая встреча с Грановским имеет к нему отношение? Тогда да. Если ты спрашиваешь, собираемся ли мы обсуждать его смерть, — нет. Сделка касается оборудования для очистки промышленных стоков. Ты читала предмет договора.

— Я читала сорок семь страниц, из которых двадцать девять прислали только на английском.

— Вот поэтому ты здесь.

Дорога выровнялась. Впереди возникла кирпичная тумба, потом вторая. Между ними стояли чёрные ворота. Они были открыты ровно на ширину машины. Ни вывески, ни охраны, ни света в будке. Марина остановилась перед створками.

— Это пансионат?

— Бывший. Основной корпус закрыт лет десять. Дом управляющего отремонтировали под частную резиденцию.

— Очень располагает к сделкам.

— Клиент просил уединение.

Марина ждала, что Елена добавит привычное «всё под контролем». Та промолчала.

За воротами дорога шла между соснами. Снег здесь лежал ровнее, и по нему тянулись следы трёх машин. Через минуту показался длинный двухэтажный дом с высокой тёмной крышей. По фасаду через равные промежутки горели жёлтые фонари. Окна первого этажа светились, второго — нет. За домом угадывалось ещё одно здание, приземистое и почти полностью занесённое снегом.

Марина припарковалась рядом с серым микроавтобусом. Двигатель замолчал, и тишина сразу стала плотной. Не слышно было ни трассы, ни самолётов, ни собак. Только ветер шуршал по крыше машины.

Елена открыла дверь.

— Не глушила бы, пока вещи не занесём, — сказала Марина.

— Почему?

— Минус восемнадцать. Если аккумулятор сядет, утром будем толкать.

— Здесь есть гараж и пусковое устройство.

Она уже стояла снаружи, придерживая капюшон. Марина снова завела двигатель, хотя ключ ещё не успел остыть, и

оставила его работать. Это было неосторожно с точки зрения топлива и разумно с точки зрения возможности уехать. Она взяла с заднего сиденья сумку с ноутбуком, папку распечаток и чемодан.

Дверь дома распахнулась прежде, чем они поднялись на крыльцо. Высокий мужчина в тёмном свитере вышел им навстречу без куртки.

— Наконец-то, — сказал он. — Я уже собирался идти проверять ворота.

— Антон, это Марина Левина, — представила Елена. — Марина, Антон Рудин, наш технический специалист.

Антон пожал Марине руку и сразу забрал чемодан. Ладонь у него была холодная, пальцы в мелких ссадинах.

— Машина заведена, — сказал он, прислушавшись.

— Я оставила прогреться.

— Правильно. Только поставьте ближе к стене. Ночью перемерёт.

— В гараже нет места? — спросила Елена.

— Гараж заперт, ключ у вашего управляющего. Ваш управляющий уехал за продуктами два часа назад и пока не вернулся.

Елена нахмурилась.

— Павел должен был встретить Марину у ворот.

— Значит, у него очень длинный список покупок.

Антон сказал это спокойно, без улыбки. Елена забрала у Марины папку и первой вошла в дом.

В прихожей было жарко. Под ногами блестела мокрая плитка, у стены стоял ряд одинаковых серых тапок. Камера под потолком смотрела на вход, красный огонёк не горел. Марина заметила её потому, что всю жизнь замечала микрофоны, динамики и кабели раньше мебели. На выездных встречах от расположения аппаратуры зависело, сможет ли она слышать говорящего или будет два дня угадывать окончания слов.

— Разуваться? — спросила она.

— Необязательно, — ответила Елена. — Здесь всё равно будут ходить в обуви.

Антон поставил чемодан у лестницы.

— В переговорной ковёр. Кабель-каналы под ним. На коблукх лучше не наступать у стола.

— Спасибо. Кабину уже проверили?

— Собрали одну. Вторая оказалась с разбитым стеклом, поэтому сделали два места за перегородкой. Звук раздельный, микрофоны общие. Покажу.

— Сначала комнату, — вмешалась Елена. — Марина с дороги.

— Сначала кабину, — сказала Марина. — Пока люди не сели за стол и не начали просить срочно перевести то, чего я не слышу.

Антон кивнул с заметным одобрением. Они прошли через холл. Дом снаружи казался старым, но внутри его переделали недавно: светлые стены, стеклянные двери, гладкие

металлические ручки. При этом на стене висела тяжёлая латунная планка с кнопками звонков, оставшаяся, видимо, от пансионата. Под каждой кнопкой была пустая рамка для фамилии отдыхающего.

В большой гостиной трое мужчин стояли у камина. Они обернулись одновременно. Марина узнала Илью Грановского по фотографии из статьи о внутреннем расследовании. За шесть лет он почти не изменился: худое лицо, короткие седые волосы, очки с тонкой оправой. Только рот стал жёстче. Он узнал её тоже. Это было видно по короткой паузе перед вежливой улыбкой.

— Госпожа Левина, — сказал он. — Не ожидал.

— Добрый вечер.

— Вы работали с нашей компанией.

— Несколько раз.

Он мог сказать: «вместе с Олегом». Не сказал.

Рядом с Грановским стоял плотный мужчина лет пятидесяти с красным от жара лицом. Он держал стакан воды так, будто это был бокал, и нетерпеливо вращал его за край. Третий, моложе остальных, смотрел не на Марину, а на Антона.

— Связь появилась? — спросил он.

— Занимаюсь, — ответил Антон.

— Вы этим занимаетесь с четырёх часов.

— С четырёх я занимался вашим защищённым каналом.

Он работает внутри дома. Внешний канал — другая задача.

— Мне безразлично, как вы её называете. Мне нужно от-

правлять документы.

Елена шагнула между ними с улыбкой человека, который не раз разнимал спорящих заказчиков.

— Коллеги, это Марина Левина, наш переводчик. Владимир Сергеевич Ланской, финансовый директор «НордТеха». Илью вы, кажется, знаете. Максим Белов представляет владельца патентов. Остальные подъедут к восьми.

— Если подъедут, — сказал Ланской. — На трассе уже перемёт.

— Подъедут. Павел проведёт их от поворота.

— Павел пропал, — напомнил Антон.

Елена повернулась к нему.

— Не пропал. Не отвечает. Здесь разница важна.

Марина услышала в её голосе ту интонацию, которой Елена останавливала панику на больших мероприятиях. Не спор, не приказ — точное снижение значения слова. Когда на конференции терялся докладчик, он не пропадал, а задерживался. Когда падала система регистрации, она не ломалась, а обновлялась. Это работало, пока речь шла о бейджах и расписании.

Антон ничего не ответил. Он показал Марине на двойную стеклянную дверь в конце коридора.

Переговорная занимала почти всё бывшее столовое помещение. В центре стоял овальный стол на двенадцать мест. На каждом месте лежала чёрная папка, блокнот и механический карандаш. Бутылки воды были повернуты этикетками к сте-

не, словно организаторы хотели стереть даже названия. Два экрана висели друг напротив друга. За прозрачной перегородкой теснились два кресла, пульт и четыре пары наушников.

Марина положила сумку, включила один приёмник и заговорила в микрофон. Её голос вернулся в наушники с едва заметной задержкой.

— Канал один, — сказала она.

— Два, — возразил Антон и нажал кнопку под столом. — Второй включается только после выбора языка на основном пульте. Здесь оборудование старше ремонта.

В наушниках щёлкнуло, шум изменился.

— Теперь два. Кто писал звук?

— По договору запись не предусмотрена.

— Это я читала. Я спрашиваю, кто проверял, не пишется ли она всё равно.

Антон присел возле стойки, вытащил узкую панель и показал пустой разъём.

— Локального накопителя нет. Сетевой порт отключён физически. Я могу опечатать панель при вас.

— Сделайте, пожалуйста.

Елена стояла у двери, скрестив руки.

— Мы договаривались о доверии.

— Нет, — сказала Марина. — Мы подписали договор о конфиденциальности. Это не одно и то же.

На секунду ей показалось, что Елена сейчас улыбнётся.

Так она улыбалась, когда Марина находила ошибку в смете или замечала, что спонсорский ролик длиннее обещанного. Но лицо подруги осталось неподвижным.

Антон достал из кейса маленькую наклейку, написал на ней время и расписался поперёк края панели. Марина добавила свои инициалы. Работа успокаивала. У оборудования были понятные состояния: включено, выключено, соединено кабелем, разъединено. Люди умели произносить «нет» таким тоном, что оно превращалось в «позже», и говорить «случайно», имея в виду «рассчитано заранее».

Она проверила оба микрофона, попросила Антона пройти вдоль стола и посчитать до двадцати, настроила громкость. У восьмого места звук проваливался.

— Там вентиляция шумит, — сказал он. — Переставлю настольный микрофон.

— Лучше поменять кресла. Если там сядет человек, который говорит тихо, я потеряю половину согласных.

— Уже знаете, кто говорит тихо?

— Грановский. В суде он, вероятно, говорит громче, но за переговорным столом заставляет всех наклоняться к нему.

Антон посмотрел через стекло на коридор.

— Вы его знаете?

— Видела работу.

— Хорошая работа?

— Точная.

Это было безопасное слово. Оно ничего не говорило о

том, что заключение Грановского помогло компании назвать ошибкой переводчика решение руководителей. Ничего не говорило о последнем разговоре с Олегом, который просил Марину найти исходный файл. Ничего не говорило о том, что через двое суток его машина сорвалась с набережной в реку.

Елена вошла в кабину.

— В комнате на втором этаже есть стол. Материалы принесут через полчаса. Ужин в семь сорок пять, начало в девять.

— Я должна позвонить в больницу.

— Конечно. Антон даст доступ к усилителю.

Тот медленно выпрямился.

— Не дам.

Елена повернулась.

— Почему?

— Потому что усилитель не работает.

— Час назад работал.

— Час назад внутренний маршрутизатор раздавал пустую сеть. Телефоны видели название, выхода наружу не было.

— Исправьте.

— Я нашёл причину. Исправить её из дома нельзя.

Он вышел в коридор и махнул им следовать за собой. Марина сняла наушники. Елена задержалась у двери, потом всё же пошла.

Антон провёл их к служебной лестнице, поднялся на пло-

щадку между этажами и распахнул узкое окно. Внутри сразу ворвался снег. За домом, у границы леса, стояла высокая мачта. На её вершине темнела прямоугольная антенна. Кабель спускался по опоре и уходил в металлический ящик у земли.

— Ретранслятор там, — сказал Антон. — Питание идёт из дома, сигнал должен уходить через направленную антенну на вышку у трассы.

— И что? — спросила Елена.

— Антенна смотрит на восток.

— Вышка на востоке?

— На юге. Я проверил координаты до приезда. Её повернули примерно на девяносто градусов и затянули крепление заново.

Елена прищурилась, будто могла с лестницы увидеть гайки.

— Ветер.

— Ветер не откручивает две гайки, не поворачивает антенну на шарнире и не закручивает их обратно. И кабель отсоединён в нижнем ящике.

Снег оседал на подоконнике и таял на рукаве Антона. Марина посмотрела на белое поле между домом и мачтой. От крыльца туда вела цепочка следов, уже почти засыпанная. Следы были крупные, с широким прямоугольником каблука. Поверх них лежал свежий снег, но края ещё сохранялись.

— Это ваши? — спросила она.

— До ящика — мои. Дальше я не ходил.

— А старые?

— Чьи-то. С утра, может быть раньше.

Елена захлопнула окно.

— Павел проверял оборудование. Наверняка снял соединение и забыл вернуть.

— А антенну зачем повернул?

— Я не специалист.

— Тогда не объясняйте за специалиста, — сказала Марина.

Елена посмотрела на неё без обиды. Именно это насторожило сильнее всего.

— Хорошо. Антон выйдет и подключит кабель.

— Я выйду утром, — сказал он. — Сейчас темно, лестница обледенела, а ветер больше пятнадцати метров в секунду. Чтобы направить антенну, нужно лезть на мачту. Если вам нужен труп ради одного звонка, ищите другого специалиста.

— Кабель можно подключить без мачты.

— Можно. Сигнала всё равно не будет.

— Спутниковая связь?

— Комплект есть, но терминал не зарегистрирован в сети. Я сообщил об этом вашему Павлу в пять двадцать.

— И что он ответил?

— Что разберётся после магазина.

Марина достала телефон. На экране по-прежнему не было сети. Время — восемнадцать сорок две. До обещанного

звонка оставалось чуть больше двух часов.

— Где проводной телефон?

— Линия отключена вместе с пансионатом, — ответил Антон.

— Соседний дом?

— Ближайший жилой посёлок в девяти километрах. По прямой ближе, но там река.

Елена спустилась на одну ступеньку и обернулась к Марине.

— Я не знала. Клянусь, не знала. Вчера Павел звонил мне отсюда.

— С какого номера?

— С мобильного.

— Ты видела, что он здесь?

— Он сказал, что здесь.

— Это не одно и то же.

Внизу хлопнула входная дверь. Все трое замолчали. Послышались мужские голоса и стук чемоданов. Елена выдохнула.

— Остальные приехали. Значит, дорога открыта. Если звонок не заработает, кто-нибудь отвезёт тебя к трассе.

— До девяти?

— До девяти.

Она пошла встречать гостей. Антон остался на площадке и смотрел ей вслед.

— Вы ей верите? — тихо спросил он.

Марина убрала телефон в карман.

— Это не входит в мой договор.

— А что входит?

— Передавать смысл сказанного без добавлений и пропусков.

— Удобная работа.

— Попробуйте хоть день.

Он поднял руки, признавая удар.

— Я не о вас. Я о ней. Она сказала «авария». Авария — это когда ломается само. Здесь кто-то потратил время, чтобы связи не было.

Марина посмотрела в окно двери. Елена уже принимала пальто у невысокой женщины с короткими тёмными волосами. Рядом топтался водитель, занося снег на плитку. За открытой входной дверью горели габаритные огни большого внедорожника. Дорога действительно пока была открыта.

— Можно восстановить связь без мачты? — спросила Марина.

— Если найду подходящий кабель, попробую поставить антенну ниже, на стене. Сигнал будет слабый, но сообщение уйдёт.

— Сколько времени?

— Час. Может, два.

— Мне нужен один звонок.

— Тогда сначала убедитесь, что вам дадут уехать, если я не успею.

— Почему не дадут?

Антон пожал плечами.

— Потому что нормальные заказчики предупреждают технаря, когда сами отключают оборудование. И потому что ваш контракт начинается в девять вечера в доме без связи. Я не переводчик, но смысл мне не нравится.

Он спустился в холл. Марина осталась у окна. Ветер снова швырнул снег в стекло. За ним мачта едва различалась на фоне леса, тонкая чёрная черта, повёрнутая не туда.

Телефон в кармане завибрировал. Маринахватила его, надеясь на пойманную сеть. Экран показал только напоминание, созданное утром: «Позвонить врачу. Решить сегодня».

Она выключила сигнал. Внизу Елена смеялась чему-то, сказанному новой гостьей. Смех был прежний, знакомый до мельчайшей паузы перед вторым вдохом. Марина могла определить его из соседней комнаты, из шумного зала, из записи десятилетней давности.

И всё же сейчас он звучал как чужая реплика, перевести которую ей ещё предстояло.

Глава 2. Правила комнаты

Через десять минут после приезда последних гостей Елена поставила в холле деревянную шкатулку и предложила всем сложить туда телефоны.

Шкатулка была слишком красивой для временной меры: тёмный орех, латунная защёлка, двенадцать узких ячеек внутри. На каждой — номер, выжженный ровно и глубоко. Марина провела пальцем по краю своей ячейки и подумала, что такие вещи не покупают по дороге, обнаружив внезапную неисправность связи.

— Зачем? — спросил Максим Белов. — Они всё равно бесполезны.

— Сейчас бесполезны, — ответила Елена. — Антон восстановит внешний канал. Как только сеть появится, телефоны начнут синхронизировать почту, облака и всё, что их владельцы забыли отключить. У нас соглашение о полной конфиденциальности.

— В соглашении нет изъятия личных вещей, — сказал Грановский.

— Изъятия нет. Добровольное хранение на время сессии есть в регламенте дома.

— Регламент я не получал.

Елена достала из нижней папки один лист. Грановский не взял его.

— Потому что его не было в пакете документов, — продолжил он. — Правила, сообщённые после прибытия, не становятся частью договора.

— Тогда оставьте телефон у себя и подпишите, что лично отвечаете за возможную утечку.

Ланской первым бросил свой аппарат в ячейку. Он сделал это с таким раздражением, словно хотел расколоть дно.

— Всё равно кирпич. Где ужин?

Невысокая женщина, приехавшая последней, сняла с телефона красный чехол, проверила экран и аккуратно положила аппарат рядом с телефоном Ланского.

— Если бы вы читали программу, знали бы, что через двадцать минут, — сказала она.

Елена представила её как Анну Крайнову, директора компании-посредника. Именно её подпись стояла под договором Марины. По переписке Марина представляла Анну старше: письма были короткими, тяжёлыми, каждое заканчивалось требованием подтвердить получение. Вживую ей оказалось не больше сорока. Она говорила тихо и смотрела прямо на того, к кому обращалась.

Грановский всё же достал телефон. Прежде чем выключить, он набрал короткое сообщение. Марина увидела только имя адресата сверху экрана: «Сергей Матвеевич Костин».

Фамилия ударила не сразу. Сначала она показалась знакомой из рабочих материалов. Потом память подставила другой экран, старый ноутбук Олега и таблицу правок, которую

он прислал Марине за ночь до последнего разговора. В правом столбце стояли инициалы «С. М. К.», а в комментарии Олег написал: «Условие добавлено по устному указанию Костина, исходника нет».

После гибели Олега это имя исчезло из документов. Внутренняя комиссия установила, что переводчик самовольно усилил английскую формулировку. Компания расторгла контракт с его бюро, а затем через Грановского направила семье письмо: оснований для компенсации нет.

Марина подняла глаза. Грановский уже убрал аппарат в шестую ячейку.

— Костин участвует? — спросила она.

В холле стало тихо. Даже Ланской перестал искать взглядом дверь столовой.

— В чём? — спросил Грановский.

— В переговорах.

— Нет.

— Вы только что писали ему.

— Я пишу многим людям. Вы следите за чужими экранами?

— Нет. Я стою в полуметре от шкатулки, которую нас попросили окружить.

Елена закрыла ладонью крышку, не опуская её.

— Сергей Костин не входит в список участников. Марина, это ответ на твой вопрос.

— А в чьих интересах действует Грановский?

— В интересах своего доверителя, — сказал юрист. — Которого я не обязан обсуждать с переводчиком до начала работы.

— Если ваш доверитель сторона переговоров, обязаны. Иначе я не могу сообщить о конфликте интересов.

— У вас есть конфликт с господином Костиным?

Марина услышала ловушку раньше, чем договорила бы первое слово. Личный конфликт позволил бы отстранить её без объяснения причин. Отрицание можно было потом предъявить как доказательство беспристрастности. Она посмотрела на Елену. Та не вмешалась.

— У меня есть профессиональная история с компанией, где он работал, — сказала Марина. — Она должна быть раскрыта заказчику и обеим сторонам до начала перевода.

Анна Крайнова взяла со столика карандаш и написала что-то на обороте регламента.

— Мне об этом не сообщали.

— Потому что это не влияет на её квалификацию, — сказала Елена.

— Это решает не организатор, — ответила Анна.

Теперь уже Елена выдержала паузу. Она медленно опустила крышку шкатулки, но защёлку не закрыла.

— Хорошо. Обсудим до сессии. Здесь или в переговорной?

— Здесь обсуждать нечего, — сказал Ланской. — Левина переводила для нас десятки встреч. Если бы у неё был лич-

ный счёт, он давно бы проявился.

— Одиннадцать, — поправила Марина. — Не десятки.

— Тем более.

Ланской счёл вопрос закрытым. Грановский смотрел на Марину поверх очков, словно сравнивал её нынешнюю с какой-то записью шестилетней давности.

— Госпожа Левина действительно работала без замечаний, — произнёс он. — В том числе в период, о котором говорит. Я не возражаю против её участия.

Его согласие было хуже отказа. Оно заранее делало любое её сомнение личным и при этом лишало возможности сказать, что прошлое скрыли от неё.

— Я ещё не согласилась, — сказала Марина.

— Договор подписан, — напомнила Елена.

— Договор подписан при неполном списке участников.

— Сергей Костин не участник.

— Тогда назовите доверителя Грановского.

Юрист снял очки и протёр их краем салфетки, взятой со столика.

— Мой доверитель будет обозначен в преамбуле итогового документа. До согласования формулировки раскрытие имени преждевременно.

— Нельзя переводить переговоры о документе, не зная, кто станет его стороной.

— Можно переводить предварительное обсуждение.

— Можно. Но тогда каждую мою фразу придётся начи-

нать словами: «Это обсуждение не создаёт обязательств». Вы именно этого хотите?

Анна усмехнулась. Ланской выругался вполголоса.

— Я хочу поесть, — сказал он. — Потом сесть за стол и узнать, зачем меня вытащили в эту дыру. Если имя Костина поможет приблизить любой из этих моментов, считайте, что я его услышал.

— Вас пригласили согласовать продажу лицензии, — сказала Елена.

— Продажу лицензии согласовали в Москве неделю назад. Сумма та же, график тот же. Изменилось приложение, которого никто не видел.

— Вы увидите его в девять.

— Почему в девять?

— Потому что такова программа.

— Чья?

Елена закрыла шкатулку. Щёлкнула защёлка.

— Заказчика.

Марина вынула свой телефон из кармана. На нём по-прежнему не было сети. Она не стала класть его в свободную ячейку.

— Мне нужно позвонить врачу.

— Мы помним, — сказала Елена.

— Я не сдаю телефон до звонка.

— Марина, сеть не появится в твоём кармане быстрее, чем в этой коробке.

— Тогда мой телефон никому не мешает.

Анна посмотрела на Елену.

— Она права.

Грановский протянул руку к шкатулке.

— В таком случае верните и мой.

За ним двинулся Максим. Елена удержала крышку обеими ладонями.

— Прекрасно. Никто ничего не сдаёт до начала сессии. Но в переговорной телефонов не будет. Это условие владельца информации.

— Имя которого мы узнаем после того, как отдадим телефоны, — сказал Максим.

— Имя которого вы найдёте в документе на столе.

— Там сейчас пустые папки.

Впервые в голосе Елены появилась резкость.

— Потому что материалы конфиденциальны.

Марина смотрела не на неё, а на шкатулку. Двенадцать ячеек. Сейчас в доме, считая Антона и водителя, было девять человек. Павел должен был стать десятым. Оставались два места. Можно было купить коробку с запасом, но каждое отделение было пронумеровано, а регламент — напечатан заранее.

— Сколько участников ожидалось? — спросила она.

— Столько, сколько приехало.

— Тогда почему двенадцать ячеек?

Ланской рассмеялся.

— Потому что мебельщики любят круглые числа.

— Двенадцать не круглое, — сказал Максим.

Елена открыла крышку, достала телефоны и разложила их на столике.

— Заберите. В восемь пятьдесят встречаемся здесь. Ужин в столовой. Марина, твоя комната номер семь.

Она подняла шкатулку и понесла её в переговорную. Грановский забрал телефон последним. Экран успел погаснуть, но Марина заметила значок отправки рядом с сообщением: серый кружок, внутри часы. Оно не ушло.

— Вы собирались предупредить Костина о моём присутствии? — спросила она.

— Я собирался сообщить, что прибыл.

— В доме без связи.

— О неисправности я узнал после того, как вошёл.

— Вы набрали сообщение после того, как узнали.

— Привычка.

— Удобное объяснение.

— Вам ли не знать, что удобное объяснение иногда оказывается точным.

Он надел пальто, хотя только что жаловался на жару, и направился к выходу.

— Куда вы?

— Проверю машину.

— Ваша машина не уедет без водителя?

Грановский остановился.

— Почему вас это беспокоит?

— Потому что мне обещали отвезти меня к трассе до де-
вяти.

— Моя машина не такси.

— Я оплачу дорогу.

— Дело не в деньгах.

— Тогда в чём?

Он посмотрел на закрытую дверь переговорной, за кото-
рой исчезла Елена.

— Я приехал по приглашению человека, имя которого
мне тоже не назвали. До начала встречи никто отсюда не
уедет.

— Это условие?

— Это наблюдение.

Грановский вышел. Холодный воздух ворвался в холл и
тут же был отрезан дверью.

Марина поднялась на второй этаж. Комната номер семь
оказалась в конце коридора. Ключ торчал в замке снаружи.
На белом брелоке чёрным маркером была написана цифра, а
под ней — её фамилия. Не напечатана на карточке, не встав-
лена в прозрачный кармашек, а написана заранее от руки.

Внутри стояли узкая кровать, шкаф и стол. На подушке
лежала запечатанная папка с её именем. Марина не сняла
пальто. Она открыла папку и просмотрела листы стоя.

Программа начиналась в двадцать один ноль-ноль с «уста-
новления общего понимания событий». Формулировка не

имела отношения к продаже лицензии. Следом шли «предъявление материалов сторонам», «устные пояснения участников» и только после полуночи — «обсуждение коммерческого урегулирования». Иностранных фамилий не было вообще. Все документы были на русском, кроме одного приложения на двух языках.

Переводчик для такой встречи не требовался.

Внизу хлопнула дверь. Марина подошла к окну. Грановский шёл между машинами, по очереди дёргая ручки. У серого микроавтобуса он остановился и заглянул под переднее колесо. Потом достал телефон, поднял его над головой и медленно повернулся. Сети не было и во дворе.

В дверь постучали два раза.

— Кто?

— Антон.

Он вошёл с мотком чёрного кабеля на плече. Куртка была расстёгнута, на волосах таял снег.

— Нашёл переходник. Мне нужен доступ в комнату над вашей. Там удобнее вывести провод на крышу пристройки.

— Берите ключ у Елены.

— У неё нет.

— У кого есть?

— Она сказала, что у Павла.

— Павла всё ещё нет?

— Нет. И машина его, судя по всему, стоит у хозяйственного входа.

Марина закрыла папку.

— Откуда вы знаете, что это его машина?

— Елена описала: белая «Нива», номер заканчивается на тридцать семь. Я видел её за котельной, когда приехал. Думал, запасная.

— Значит, Павел ушёл пешком за продуктами?

— По снегу следов к лесу нет. Есть следы от мачты к служебной двери.

— Вы сказали Елене?

— Да.

— И?

— Она сказала, что Павла мог забрать поставщик.

— Вместе с продуктами, которых ещё не купили.

Антон поставил кабель на пол.

— Мне кажется, она отвечает слишком быстро.

Марина протянула ему программу. Он прочёл первую страницу.

— Где здесь техника?

— В приложении. Но для него достаточно письменного переводчика. На встрече все говорят по-русски.

— Тогда зачем вы?

— Хороший вопрос.

— Задайте его.

— Задам, когда буду уверена, что смогу уйти после ответа.

Антон вернул листы. В коридоре слышались шаги, и он быстро поднял кабель. Мимо открытой двери прошёл води-

тель, которого Елена не представила. На нём уже не было куртки. Он нёс две дорожные сумки из одной комнаты в другую и даже не взглянул на них.

— Ваша машина где? — спросила Марина, когда шаги стихли.

— У хозяйственного входа.

— Ключи у вас?

Антон похлопал по карману джинсов.

— Пока да.

— Почему «пока»?

— Потому что десять минут назад Елена спросила, нельзя ли сложить все автомобильные ключи вместе с телефонами. Якобы чтобы никто случайно не включил сигнализацию во время записи.

— Какой записи?

— Именно.

Снизу донёлся звонок. Не электронный сигнал, а чистый металлический звук, как в старой гостинице. Затем голос Елены позвал всех к ужину.

Антон поднял кабель.

— Я попробую пройти через чердак. Если не получится, до утра связи не будет.

— Не отдавайте ключи.

— Вы тоже.

— У меня машина открывается кнопкой.

— Тогда снимите механический ключ из брелока и дер-

жите отдельно. На морозе электроника бывает бесполезна.

Он ушёл. Марина закрыла дверь и впервые провернула ключ изнутри. Язычок замка вошёл в косяк легко. Она подёргала ручку, потом отперла снова: запираться одной в незнакомом доме было не безопаснее, чем оставлять дверь открытой.

Из брелока автомобильного ключа выдвигалось тонкое металлическое жало. Марина сняла его и положила во внутренний карман пиджака. Сам брелок остался в сумке.

Перед выходом она ещё раз просмотрела программу. На последней странице под правилами комнаты стояли двенадцать строк для подписей. Девять фамилий были напечатаны. Три строки оставались пустыми. Одна фамилия была ей незнакома: «Костина В. О.».

Не Сергей Матвеевич. Другая Костина.

Марина сфотографировала страницу телефоном. Снимок сохранился только в памяти устройства. Она увеличила фамилию и увидела под ней должность: «представитель семьи правообладателя».

В старом деле Олега никакого правообладателя не было. Была компания, неустойка, сорванная поставка и перевод, который объявили причиной убытка. Но у Сергея Костина была дочь Вера. Марина видела её однажды на поминках: высокая девушка в мужской куртке, стоявшая у выхода и не подошедшая к семье Олега.

Теперь для неё приготовили место в комнате.

Марина убрала телефон и спустилась. В холле Елена ждала возле шкатулки. Рядом лежал поднос, а на нём уже были три автомобильных ключа.

— Новое правило? — спросила Марина.

— Меры предосторожности. Водитель Ланского случайно нажал запуск двигателя. Выхлоп идёт под окна.

— Можно переставить машину.

— Уже переставили. Ключи соберём, чтобы не повторилось.

— Мои в комнате.

— Принеси после ужина.

— Я уезжаю к девяти, если не будет связи.

— Будет.

— Антон так не думает.

— Антон любит худшие варианты. За это ему платят.

— А мне за что платят, Лена?

Подруга посмотрела на неё внимательно, почти с нежностью.

— За то, чтобы сегодня никто не смог сказать, будто его поняли неправильно.

— Здесь не нужен переводчик.

— Нужен человек, которому поверят все.

— Это другая работа. Я на неё не соглашалась.

— Пока ты даже не знаешь, о чём встреча.

— Об «установлении общего понимания событий». Не о лицензии.

В столовой звякнула посуда. Кто-то отодвинул стул. Елена шагнула ближе, понизила голос.

— Ты хотела знать, что случилось с Олегом.

— Хотела. Шесть лет назад. Когда ещё можно было получить исходники, опросить людей и проверить время файлов.

— Исходники здесь.

Марина почувствовала, как похолодели пальцы, хотя в холле было жарко.

— Какие?

— Те, которых, по словам Грановского, не существовало.

— Где?

— В девять увидишь.

— Почему не сейчас?

— Потому что до девяти каждый из них может встать и уехать.

Елена произнесла это тихо, но смысл оказался яснее крика.

Марина посмотрела на поднос с ключами.

— Ты только что сказала, что каждый может уехать.

— Пока да.

— А в девять?

Из столовой вышел Ланской.

— Мы сегодня есть будем или устанавливать общее понимание голодными?

Елена отступила и снова стала безупречным организатором.

— Уже идём. Марина, после ужина принесёшь ключ.

Она взяла поднос и понесла его к закрытой двери переговорной.

Марина осталась между лестницей и входом. На улице темнело, снег заметал следы машин. Телефон лежал в её кармане, механический ключ — в другом. Два маленьких предмета, которые пока принадлежали ей.

В правилах комнаты не было сказано, что произойдёт с человеком, который откажется их выполнять.

Но место для его подписи уже приготовили.

Глава 3. Фраза не по тексту

В столовой пахло запечённым мясом, можжевельными ветками и ещё чем-то аптечным. Марина не сразу поняла, что это спирт: им протёрли длинный стол, но не дали дереву высохнуть. Под тарелками остались влажные матовые круги.

Елена рассадилась всех по карточкам. Марине досталось место между Анной Краиновой и Максимом Беловым, напротив Грановского. Ланской сидел во главе стола, хотя хозяином не был. Антон оказался у двери, рядом с пустым стулом. На его карточке напечатали не имя, а слово «техника».

Ещё два места оставались свободными. На одной карточке стояло «В. О. Костина». Вторую Елена перевернула надписью вниз.

— Она приедет? — спросила Марина.

Елена поправила салфетку у пустого прибора.

— Кто?

— Вера Костина.

Грановский поднял взгляд. Ланской перестал резать мясо.

— Ты видела список, — сказала Елена. — Не надо устраивать открытие там, где была строка на листе.

— На листе была подпись представителя семьи правообладателя. Теперь у неё есть имя.

— Оно там и было.

— Оно было на листе, который участники увидели после

приезда. В договоре его нет.

— Как и половины людей за этим столом, — сказал Максим. — Мой договор заключён с Крайновой. Я считал, что буду обсуждать приложение с Ланским и его юристом.

— Я не его юрист, — сказал Грановский.

— Сегодня все не те, кем их считали утром.

Анна отложила вилку.

— Елена, я задаю вопрос как формальный заказчик встречи. Костина приедет?

— Она уже приехала.

Марина посмотрела на дверь. За ней было тихо. Потом со стороны кухни послышался короткий стук, будто поставили на каменный пол тяжёлую сумку. Дверь открылась, и вошла женщина в сером свитере. Ей было около тридцати. Тёмные волосы она собрала на затылке простой резинкой. Ни пальто, ни снега на плечах — значит, она находилась в доме раньше остальных.

— Добрый вечер, — сказала женщина.

Она не ждала представления. Подошла к пустому стулу, села и положила рядом тонкую папку. Марина узнала её по фотографии из старой статьи о благотворительном фонде Сергея Костина. Тогда у Веры были длинные волосы и она стояла возле отца, заслонённая его плечом.

— Вы здесь давно? — спросил Грановский.

— С шести.

— Почему не встретили нас?

— Елена попросила подождать.

— Где?

Вера посмотрела на неё, а не на Грановского.

— В комнате за кухней.

— Чтобы никто не знал, что вы приехали, — сказал Максим.

— Чтобы я никого не увидела до начала разговора.

Ланской отпил воды.

— Разговор начнётся в девять.

— Он уже начался шесть лет назад, — ответила Вера. — Просто вы ушли посередине.

Елена не остановила её. Напротив, она села ровнее, словно получила нужную первую реплику.

Марина посмотрела на часы. Было восемь двадцать семь. До обещанного отъезда оставалось тридцать три минуты.

— Я выйду на минуту, — сказала она Анне. — Нужно проверить телефон.

— Сидите, — произнёс Грановский.

Он сказал это негромко, но повелительная форма прозвучала яснее крика.

Марина поднялась.

— Вы не руководите моей работой.

— Пока нет. Но если вы намерены участвовать во встрече, вам стоит услышать, в каком качестве госпожа Костина здесь находится.

— В каком?

— Она сама не решила.

Вера повернулась к нему.

— Я решила. Я здесь как дочь человека, чьё имя вы вычистили из документов.

Грановский чуть отодвинул тарелку.

— Ваш отец жив, здоров и способен защищать своё имя самостоятельно.

— Тогда почему вы набирали ему сообщение?

Марина осталась стоять. Значит, Вера знала о сообщении или угадала по тому, кому Грановский служил. Елена смотрела на неё с ожиданием, не удивлением.

— Телефон лежал экраном вверх, — сказала Марина. — Я увидела имя случайно. Вера не могла знать от меня: мы встретились сейчас.

— Я знала, что он позвонит отцу, — сказала Вера. — Он всегда сначала звонит тому, чью версию собирается защищать.

— Я не звонил.

— Потому что связь отключили.

— Её не отключали, — вмешалась Елена. — Произошла техническая неисправность.

Антон у двери покачал головой.

— Нет.

Одно короткое слово изменило положение людей за столом. До этого отсутствие связи можно было считать неудобством, о котором спорят из скуки. Теперь инженер публично

отказался подтверждать объяснение организатора.

— Антон, — сказала Елена, — мы обсуждали антенну.

— Обсуждали. Она повернута вручную, кабель снят, крепёж затянут после поворота. Это не неисправность.

— Вы можете восстановить связь?

— Если получу доступ на чердак над седьмой комнатой и к шкафу в аппаратной.

— Павел вернётся и откроет.

— Его машина здесь.

Елена взяла салфетку и промокнула уголок рта. На тарелке перед ней еда оставалась нетронутой.

— Поставщик мог забрать его.

— Тогда назовите поставщика, — попросил Антон. — Я проверю машину во дворе. Может, у неё рация.

— Вы проверите оборудование после ужина.

— После ужина мне придётся тянуть кабель в темноте и по снегу.

— Сейчас тоже темно.

— Сейчас у меня есть сорок минут до начала вашей встречи.

— Тридцать две, — сказала Марина.

Елена посмотрела на неё.

— Ты куда-то торопишься?

— В девять я уеду, если не позвоню врачу.

— Ты сказала «до девяти».

— Это сказала ты. Я не соглашалась ждать дольше.

— Тогда поужинай. Антон поднимет связь, ты позвонишь и решишь.

— Без ключа он ничего не поднимет.

— Ключ найдётся.

— Когда?

Елена не ответила. Вера открыла папку и достала лист в прозрачном кармане.

— Я привезла не для того, чтобы вы спорили о телефонах.

Она положила лист в середину стола. Ланской не потянулся к нему. Максим наклонился, но с места прочитывать не мог. Марина видела только две колонки и несколько строк, выделенных жёлтым.

— Что это? — спросила Анна.

— Расшифровка последнего перевода Олега Снегирёва.

Имя прозвучало так, словно Олег находился в соседней комнате и должен был войти после паузы.

Марина медленно села.

Последний перевод Олега был не последней встречей в его календаре. Через три дня после переговоров он сделал письменную сверку для другого клиента, а ещё через день правил субтитры. Но именно ту встречу все называли последней, потому что с неё началась цепочка, закончившаяся его смертью. Компания подписала приложение с условием о досрочном переходе прав. Партнёр сорвал испытания, потребовал исходные материалы, начался спор. Олега обвинили в том, что он добавил условие, которого не было в устной

речи. Он доказывал, что переводил полученную от координатора записку. Записки в деле не оказалось.

Через две недели Олег погиб на платформе пригородной станции. Следствие не связало его смерть с работой.

— Расшифровки не существует, — сказал Грановский. — Встреча не записывалась.

— Так вы ответили его вдове, — сказала Вера.

— Так было указано в правилах встречи.

— Но фразы здесь откуда-то взялись.

— Из памяти человека, которому выгодно их придумать.

— Вы ещё не прочитали.

— Я вижу оформление. Это не стенограмма, а набранный кем-то текст.

Вера вынула лист из кармана и протянула Марине.

— Прочитайте вслух выделенное.

Марина не взяла его.

— Зачем?

— Потому что вы переводчик.

— Здесь русский и английский. Все за столом могут прочитать оба.

— Я хочу услышать, совпадает ли смысл.

— Сравнение письменных фраз не требует устного перевода.

— Значит, вы отказываетесь?

Елена подалась вперёд.

— Марина не отказывается. Она устанавливает задачу.

— Не говори за меня, — сказала Марина.

Елена откинулась на спинку стула. На лице мелькнула обида, слишком быстрая и точная, чтобы Марина сразу решила, настоящая ли она.

Анна взяла лист у Веры.

— В русском столбце: «Передача исходных технических материалов допускается только после завершения независимых испытаний». В английском: «Исходные технические материалы переходят партнёру, если независимые испытания не завершены к установленной дате». Это противоположные условия.

— Не совсем, — сказал Максим. — В первом предложении речь о разрешении передать материалы после испытаний. Во втором — об обязанности передать их из-за задержки. Меняется и момент, и причина, и само действие.

— То есть смысл не совпадает, — сказала Вера.

— Очевидно.

— А вы, Марина?

Теперь лист лежал перед ней. Шрифт был обычный, без служебных отметок. В правой колонке выделили английскую фразу, которую она знала почти наизусть: именно её Олег прислал в сообщении в ту ночь. Тогда он спросил: «Ты бы так перевела по этой записке?» Марина ответила, что сначала потребовала бы внести условие в исходный текст.

Она не сказала ему, что его перевод неверен. Она сказала: «По записке — да, но без неё ты голый».

В распечатке русская фраза отличалась от той, которую показывал Олег. Его записка начиналась словами «При задержке независимых испытаний». Здесь стояло «только после завершения». Если он видел именно это, английский текст нельзя было объяснить ошибкой выбора оттенка. Это была другая мысль.

— Они не совпадают, — сказала Марина. — Но это ничего не доказывает без источника обеих строк.

— Английскую фразу вы узнаете?

— Да.

— Откуда?

Грановский снял очки.

— Госпожа Левина не обязана отвечать на вопросы о частной переписке.

— Теперь вы её защищаете? — спросила Вера.

— Я защищаю порядок получения сведений, если вы намерены когда-нибудь использовать их не только за этим столом.

— Мне шесть лет объясняли порядок. По порядку записи не было, записки не было, распоряжения моего отца не было. По порядку виноват мёртвый переводчик.

— Ваш отец не обвинял Снегирёва публично.

— Он просто подписал заключение, которое вы написали.

— Я не писал техническую часть.

— Но вывод писали вы.

— Вы присутствовали?

— У меня есть копия с правками.

Ланской с силой поставил стакан.

— Хватит. Я приехал подписывать лицензию, а не участвовать в семейном суде над Костиным. Если у вас есть документы, отправьте их следователю.

— Отправляли, — сказала Елена. — Получили ответ, что новых обстоятельств нет.

— Тогда тем более.

— Они не видели этого листа.

— Потому что лист появился недавно?

— Потому что человек, который его сохранил, боялся.

— Как удобно.

Елена не повысила голос.

— Удобно было написать, что переводчик перепутал смысл. Неудобно — собрать в одной комнате людей, которые знают разные части.

Марина смотрела на распечатку. В нижнем углу была едва заметная чёрная полоска, будто лист сделали из снимка документа и обрезали рамку. Вера не принесла оригинал. Кто-то выбрал только одну страницу и только две колонки.

— Кто сохранил? — спросила Марина.

— Узнаете на встрече, — ответила Елена.

— Он здесь?

Елена посмотрела на перевёрнутую карточку у последнего пустого места.

— Должен быть.

— Он уже в доме, как Вера?

— Нет.

— Тогда как он приедет, если ворота закрыты?

Ланской повернулся к окну. Из столовой ворот не было видно, только снег под фонарём и чёрную стену елей.

— Ворота закрыты? — спросил он.

— Вечером они всегда закрыты, — сказала Елена. — У гостей есть код.

— У меня нет.

— У водителя есть.

— У какого водителя? Мой уехал.

— Он не уехал, — сказал Антон. — Во дворе стоят все машины, которые были при моём приезде.

Ланской достал ключ-карту от автомобиля и положил рядом с тарелкой.

— Моя машина здесь. Водитель должен был уехать на микроавтобусе Павла.

— Микроавтобус тоже здесь, — сказал Антон.

В столовой стало слышно, как работает вытяжка. Ровный гул шёл из кухни, потом на секунду ослаб и вернулся.

— Где мой водитель? — спросил Ланской.

Елена посмотрела на часы.

— Вероятно, в гостевой комнате. Он знает, что вы останетесь до утра.

— Я не останусь.

— В программе предусмотрена ночёвка.

— В программе предусмотрен номер, если мы закончим поздно. Это не обязательство.

— Конечно.

Елена произнесла это слишком легко. Марина заметила, как Антон проверил карман с ключами.

Вера вернула лист в прозрачный карман.

— Мы опять говорим не о том.

— Напротив, — сказала Марина. — Мы выясняем условия, в которых вы хотите получить ответы. Если людям не сообщили, кто приедет, зачем их собрали и смогут ли они уехать, любая запись разговора будет записью давления.

— Какая запись? — быстро спросил Грановский.

Вера посмотрела на Елену.

Елена не отвела глаз.

— Рабочая.

— В моём договоре запись запрещена, — сказала Марина.

— Запрещена запись перевода для последующего использования без отдельного согласия.

— Отдельного согласия нет.

— Мы получим его перед началом.

— Кто «мы»?

— Заказчик.

Анна Крайнова положила обе ладони на стол.

— Нет. Моя компания не заказывала запись. Я её не согласовывала и не буду согласовывать задним числом.

— Заказчик материалов, — уточнила Елена.

— Имя.

— В девять.

— Тогда в девять я прекращаю быть заказчиком мероприятия, — сказала Анна. — И письменно зафиксирую, что меня использовали как вывеску.

— Зафиксируете чем? — спросил Максим. — Телефон не отправляет сообщения.

Анна посмотрела на закрытые окна.

— На бумаге. Свидетелей достаточно.

Марина придвинула к себе договор, который принесла из комнаты. Закладка торчала на странице с условиями конфиденциальности. Она нашла пункт о фиксации: «Аудио- и видеозапись устного перевода не производится, если иное не согласовано переводчиком и заказчиком в дополнительном соглашении до начала оказания услуг».

— Я не соглашусь на запись сегодня, — сказала она.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что мне скрыли цель встречи, участников и владельца материалов.

— Но без записи они снова скажут, что фраза звучала иначе.

— Записывать можно. Но не тайно и не под видом другого договора. Нужно назвать владельца файла, дать всем возможность отказаться, опечатать носитель и сделать копии для сторон.

— Тогда они уйдут.

— Это их право.

— Олег тоже думал, что порядок его защитит.

Марина услышала, как Елена тихо вдохнула. Вот к чему подводили весь ужин: не к документу, а к этому сравнению. Если Марина откажется, её поставят рядом с теми, кто после смерти Олега ссылался на правила. Если согласится — её голос придаст законный вид встрече, которую построили на обмане.

— Олега не защитило отсутствие проверяемого источника, — сказала она. — Поэтому я не буду создавать ещё один файл, которым владеет неизвестный человек.

Вера отвернулась. Слова попали не в спор, а в боль, и Марина почувствовала это раньше, чем успела смягчить тон.

— У нас есть способ сделать проверяемо, — продолжила она. — Сначала раскрыть источник этого листа. Потом показать исходный носитель всем. Потом решить, что именно записывается и где хранятся копии.

— Исходный носитель нельзя выносить из дома, — сказала Елена.

— Почему?

— Таково условие владельца.

— Значит, он уже здесь.

— Носитель здесь. Владелец нет.

— Кто привёз?

— Я.

— Когда?

— Вчера.

Антон встал.

— Тогда вы ночевали здесь до нашего приезда.

— Да.

— И не заметили, что связи нет?

Елена посмотрела на него с усталостью.

— Вчера она была.

— Внешнюю антенну разворачивали не сегодня. Снег под креплением слежался, сверху свежая корка. Минимум сутки, скорее два.

— Я пользовалась внутренней сетью.

— Внутренняя сеть не даёт мобильную связь.

— Мне не понадобился телефон.

— А Павел был здесь?

— Был.

— Когда вы видели его последний раз?

— Утром.

— Во сколько?

— Около восьми.

— Он говорил, куда едет?

— За продуктами.

— На какой машине?

Елена посмотрела на Ланского, словно присутствие остальных мешало отвечать на мелочи.

— Не помню.

— У него две машины остались во дворе. Если его забрал

поставщик, покажите номер поставщика на своём телефоне. Даже без сети будет журнал вызовов.

— Мой телефон в кабинете.

— Принесите.

— Я не обязана отчитываться перед нанятым техником.

— Тогда перед человеком, которого вы попросили восстановить связь. Мне нужно понять, неисправно оборудование или вы не хотите, чтобы оно работало.

Елена встала. Она не взяла телефон и не направилась к кабинету.

— Ужин окончен. В восемь пятьдесят собираемся в холле. Антон, я дам вам ключ от аппаратной после первой части встречи.

— А от комнаты над седьмой?

— Найду.

— Когда?

— После первой части.

— То есть после того, как мы сдадим телефоны и согласимся на запись, — сказала Марина.

Елена опёрлась пальцами на спинку своего стула.

— Никто не обязан ни на что соглашаться.

— Но до согласия связи не будет.

— Связь не имеет отношения к согласию.

— Тогда дай ключ сейчас.

Взгляд Елены стал почти просительным.

— Марина, ты не понимаешь, что поставлено на карту.

— Объясни.

— Через двадцать минут.

— Объясни сейчас, и, возможно, мы останемся.

Вера сжала прозрачный карман с распечаткой. Грановский наблюдал за Еленой так внимательно, будто именно её ответ был целью его приезда. Ланской уже застегнул пиджак. Максим убрал салфетку с колен.

Елена могла назвать владельца материалов, показать телефон, открыть аппаратную. Вместо этого она взяла со стола перевёрнутую карточку и порвала её пополам. Имя на внутренней стороне мелькнуло всего на секунду. Марина успела увидеть первую букву — «П» — и длинную фамилию, заканчивавшуюся на «-ов».

— Он не приедет, — сказала Елена. — Начнём без него.

— Кто? — спросила Вера.

— Человек, который испугался.

— Вы знали, что он не приедет?

— Теперь знаю.

— Откуда? Связи же нет.

Елена замерла с обрывками карточки в руках.

Вопрос Веры повис над столом. На этот раз никто не помог Елене придумать ответ.

Из холла донёсся глухой удар. Потом ещё один. Будто кто-то толкал входную дверь плечом.

Ланской вышел первым. Остальные двинулись за ним. Марина забрала договор и распечатку — Вера отпустила её

не сразу, но всё же разжала пальцы.

В холле водитель Ланского дёргал створку входной двери. На полу возле него лежала дорожная сумка. Верхний замок был открыт, ручка опускалась, но дверь отходила от косяка всего на ладонь и упиралась во что-то снаружи.

— Что там? — спросил Ланской.

— Ригель воротного режима, — ответил Антон. Он присел, посветил фонариком телефона в щель. — Наружная накладка с электромагнитом. При закрытых воротах вход блокируется централизованно.

— Откройте, — велел Ланской Елене.

— Панель у Павла.

— Всё у Павла. Где сам Павел?

— Я выясню.

— Пока вы выясняете, мой водитель идёт к машине.

— Через кухню есть служебный выход, — сказала Елена.

Водитель поднял сумку. Антон посмотрел на Марину и едва заметно покачал головой. Он уже видел хозяйственный выход возле машины Павла.

Они прошли через кухню. Поваров в ней не было. На плите стояли пустые гастрорёмкости, еду явно привезли и только разогрели. За кладовой находилась металлическая дверь. Елена нажала ручку. Та не двинулась.

— Заклинило, — сказала она.

Антон отодвинул её и осмотрел коробку. Возле ручки горел красный огонёк.

— Не заклинило. Заперто системой.

— После девяти двери переходят в ночной режим.

Марина подняла телефон. На экране было восемь сорок две.

— Ещё не девять.

Антон провёл пальцем по краю считывателя. Пластик был тёплым.

— Режим включили только что.

Все посмотрели на Елену.

— Не я, — сказала она.

Впервые за вечер в её голосе не было готового объяснения.

Марина вспомнила вторую фразу на распечатке, которой не было в русском тексте: материалы переходят партнёру, если испытания не закончены к сроку. Условие срабатывало не после действия, а после того, как люди не успевали что-то сделать. Дом был устроен так же. Они спорили о записи, пока кто-то перевёл двери в другой режим.

— Где панель управления? — спросила она.

— В аппаратной, — ответил Антон.

— Ключ у Павла, — сказал Максим.

Елена сжала порванную карточку.

— Есть запасной.

— Где? — спросила Марина.

Елена посмотрела на красный огонёк у двери.

— В переговорной.

До неё оставалось пройти два коридора. Антон поднял сумку водителя и поставил обратно на пол.

— Сначала никто не расходится, — сказал он. — Если ночной режим включили не вы, значит, кроме нас в доме есть человек с доступом к системе.

Елена не возразила.

Марина посмотрела на лист в своей руке. Фраза Олега была не по тексту. Их пребывание в доме — тоже. Но теперь у подмены появился первый проверяемый след: дверь, закрытая за восемнадцать минут до срока, который Елена назвала сама.

Глава 4. Ворота

До переговорной дошли не все. Водитель Ланского, которого звали Роман, остался у хозяйственного выхода и несколько раз ударил ладонью по металлической створке, словно замок мог отозваться на человеческое упрямство. Красный огонёк возле ручки не мигал.

— Здесь есть окно, — сказал он. — Я видел с улицы. В кухне или в кладовой.

— Окна первого этажа с датчиками, — ответила Елена.

— Датчик вызовет охрану?

Она задержалась с ответом.

— Приедет местная служба.

— Прекрасно. Разбиваем окно и ждём.

— Если сигнал уходит наружу, — сказал Антон. — А не только на панель Павла.

Роман посмотрел на него, потом на Елену.

— Вы привезли начальника в дом, из которого нельзя вызывать охрану?

— Я не привозила вашего начальника. Он приехал сам.

Ланской стоял уже в коридоре, но услышал. Он вернулся на два шага.

— Елена, сейчас вы откроете аппаратную. Потом ворота. После этого каждый сам решит, оставаться ли ему на вашу встречу.

— Я с самого начала предлагала каждому решать самому.

— Решение предполагает дверь.

Марина шла рядом с Антоном. Он держал телефон фонарём вниз и высвечивал пол перед ними. Свет был включён, но через каждые несколько секунд лампы едва заметно тускнели. В доме работал какой-то мощный прибор или переключалось питание. Раньше Марина не замечала провалов. Теперь ожидала следующий и считала промежутки.

— Тридцать четыре секунды, — сказала она.

— Что?

— Свет проседает каждые тридцать четыре секунды.

Антон дождался нового провала.

— Тридцать шесть. Может включаться привод ворот. Если система пытается закрыть уже закрытое, мотор берёт нагрузку и отключается по защите.

— Значит, панель всё ещё выполняет команду?

— Или концевик не сообщает, что ворота дошли до упора.

Он говорил спокойно, но ускорил шаг. Марина поняла простую вещь: закрытая дверь была для него задачей, пока оставалась неисправностью. Если кто-то намеренно подал команду, задача становилась чужим действием, последствия которого нельзя рассчитать по схеме.

Переговорная была пуста. На длинном столе лежали папки, блокноты и перевёрнутые таблички. Красная лампа над переводческой кабиной не горела. Елена подошла к тумбе у стены, выдвинула верхний ящик и остановилась.

В ящике лежали запасные батарейки, два рулона клейкой ленты и связка плоских бирок. Ключа не было.

— Он был здесь, — сказала она.

— Когда вы его видели? — спросил Антон.

— Днём.

— Точнее.

— Когда готовила комнату.

— Вы брали его в руки?

— Нет. Он лежал в конверте.

Антон выдвинул ящик до конца. На дне остался светлый прямоугольник среди пыли. Он провёл по нему пальцем, потом показал серую подушечку.

— Конверт лежал недавно. Его забрали после уборки.

— Или вы переложили и забыли, — сказал Грановский.

— Я не забываю такие вещи.

— Сегодня это звучит неубедительно.

Елена резко задвинула ящик.

— Есть второй способ открыть ворота из гаража.

— А гараж открывается? — спросила Анна.

— Изнутри — вручную.

— Ключ?

— Не нужен.

Роман первым направился к двери. Ланской велел ему подождать, но тот не остановился.

— Моя работа — вывезти вас, Вадим Викторович. Для этого мне надо хотя бы увидеть машину.

Все снова двинулись по коридору. Только Вера осталась возле стола. Она держала прозрачный карман с расшифровкой у груди.

— А встреча? — спросила она.

Ланской даже не обернулся.

— Вашу встречу только что отменили ворота.

— Вам удобно так считать.

Марина задержалась.

— Возьми лист и иди с нами.

— Чтобы вы все разъехались?

— Чтобы ты не осталась одна в комнате, куда кто-то приходил за ключом.

Вера посмотрела на пустой ящик, словно впервые связала пропажу ключа не с попыткой участников сбежать, а с человеком, который свободно ходил по дому. Потом вложила лист в папку и пошла за Мариной.

Дверь в гараж находилась за лестницей, рядом с гардеробом. Елена нажала выключатель. За стеной загорелись две полосы холодного света. Помещение было рассчитано на четыре машины, но внутри стояла только тёмная «Нива» с эмблемой пансионата на двери. На бетонном полу тянулись мокрые следы шин. Они начинались у ворот, огибали «Ниву» и заканчивались возле узкой внутренней двери.

— Значит, машина отсюда выезжала, — сказал Максим.

Антон присел над следом.

— Заехала. В протекторе снег, вода стекает к машине.

Недавно, не больше часа назад.

Елена подошла к «Ниве» и дёрнула ручку. Заперто.

— Это машина Павла? — спросила Марина.

— Служебная.

— Ты говорила, обе его машины во дворе.

— Эта принадлежит пансионату.

— Кто на ней приехал час назад?

— Не знаю.

— В гараже есть камера? — спросил Грановский.

Елена показала на чёрный полукруг под потолком. Светодиод не горел.

— Запись идёт на тот же сервер в аппаратной.

— Удобный у вас дом, — сказал Ланской. — Любой ответ находится за дверью, от которой нет ключа.

Ручной привод ворот представлял собой цепь, свисавшую из металлической коробки. Роман потянул её. Цепь прошла на два звена и встала. Он навалился сильнее.

— Не рвите, — предупредил Антон. — Если закусит вал, без инструмента не поднимем.

Он отодвинул Романа, посветил вверх и попросил у Елены стремянку. Та указала в угол. Антон поднялся, снял пластиковую крышку и несколько секунд рассматривал механизм.

— Ручной ход заблокирован электромагнитом. Так бывает, чтобы ворота нельзя было поднять снаружи, подцепив цепь. Разблокировка должна срабатывать при отключении питания.

— Так отключите, — сказал Ланской.

— Автомат в аппаратной.

Ланской коротко рассмеялся. Смех получился громче, чем требовала шутка.

— Конечно.

— Можно снять катушку здесь, — продолжил Антон. — Нужны ключ на тринадцать и отвёртка. Лучше обесточить линию, иначе есть риск замкнуть.

Роман открыл шкаф у стены. На полках стояли канистры, щётки и коробки с одноразовыми перчатками. Инструментов не было. Нижняя полка оставалась пустой, но на ней лежал чистый след от прямоугольного ящика.

— И инструменты у Павла? — спросила Марина.

— Всегда здесь, — ответила Елена.

Антон спустился со стремянки.

— Кто-то забрал ящик.

— Павел мог взять его утром.

— Мог. Только тогда кто открыл гараж час назад?

Елена ничего не сказала.

Снаружи за воротами стояли машины. Их было видно через три узких окна под потолком: крыши, покрытые ровным снегом, и тёмные стёкла. Автомобиль Марины стоял ближе всех, носом к дому. До него было не больше двадцати шагов. Механический ключ лежал в кармане её брюк. Никогда прежде собственная машина не казалась ей настолько близкой и недоступной одновременно.

Роман попробовал внутреннюю дверь в конце гаража. Она открылась. За ней находился короткий проход и ещё одна дверь, тяжёлая, обитая металлом. На ней не было считывателя, только обычный цилиндровый замок.

— Это куда? — спросил он.

— На задний двор, — сказала Елена. — К мусорным бакам.

— Ключ.

— На общей связке Павла.

Роман ударил кулаком по полотну.

— Если снять личинку?

Антон осмотрел петли.

— Без инструмента долго. И наружная сторона может быть заварена решёткой. Сначала стоит понять, что с машинами. Есть окно, которое можно открыть без тревоги?

Елена указала на самое дальнее, над верстаком. Рама была узкой, но взрослый человек мог протиснуться. Антон поднял стремянку. Защёлка оказалась закрашена несколькими слоями белой краски. Он поддел её краем ключа от своей машины. Краска хрустнула, рама отошла внутрь, и в гараж ворвался снег.

— Я вылезу, — сказал Роман.

— Сначала проверим, нет ли датчика, — ответил Антон.

На раме обнаружился маленький белый прямоугольник, такой же, как на окнах переговорной. Антон провёл пальцами по проводу.

— Датчик разомкнут. Тревога должна уже сработать.

Все замолчали. В доме не зазвенело ничего. Не включилась сирена, не загорелась лампа.

— Может, сигнал ушёл охране, — сказала Анна.

— Может. Но обычно местная панель показывает нарушение зоны.

— Где панель?

— Угадайте, — сказал Максим.

Антон достал телефон и запустил секундомер.

— Если охрана существует и получает сигнал, они должны позвонить ответственному, прежде чем ехать. Телефоны у нас. Посмотрим, загорится ли хоть один экран.

Ни один не загорелся.

Роман поставил ногу на стремянку.

— Я не жду.

Он пролез плечами вперёд, зацепился курткой за раму, выругался и вытянулся наружу. Через минуту его лицо появилось за соседним окном.

— Снега по колено. Идите к главному входу, я попробую открыть снаружи.

— Не пробуйте ворота руками, — сказал Антон. — Сначала машины.

Роман исчез.

Они вернулись в холл. Ланской следил за ним через стеклянную вставку у двери. В свете фонарей водитель добрался до своего автомобиля, стряхнул снег с ручки и открыл салон.

Через несколько секунд вспыхнули фары.

— Вот, — сказал Ланской. — Вся ваша сложная техника.

Двигатель провернулся один раз и замолчал. Фары погасли. Потом снова вспыхнули, заметно слабее. Роман попробовал ещё раз. Стартер щёлкнул, но мотор не завёлся.

Он открыл капот.

Антон постучал в стекло и показал жестом, чтобы тот остановился. Роман подошёл к двери.

— Аккумулятор почти пустой, — крикнул он через щель.

— Вчера новый ставили.

— Клеммы на месте? — спросил Антон.

— Да.

— Свет в салоне горел, когда подошли?

Роман оглянулся на машину.

— Нет.

— Не заводите больше. Посмотрите другие.

Марина протянула Елене ладонь.

— Мой телефон.

— Он не поможет.

— Это решать мне.

Елена принесла шкатулку из столовой. Замок на ней был открыт. Марина нашла телефон и включила экран. Сети не было, но заряд оставался почти полным. Ни пропущенных, ни входящих. Она набрала единый номер помощи. В динамике стояла тишина, потом вызов завершился без сигнала.

— Экстренный тоже не проходит, — сказала она.

Остальные разобрали телефоны. Комната наполнилась светом экранов и одинаковыми движениями: люди поднимали аппараты, подходили к окнам, включали и выключали режим полёта. Вера не взяла свой. Она смотрела на Елену.

— Ты обещала, что никто не пострадает.

— Никто не пострадает.

— Мы заперты.

— До утра. Максимум.

— Ты знала?

— Я знала, что ночью ворота закрываются. Не знала, что режим включится раньше и пропадёт ключ.

— Но знала, что мы не сможем уехать после начала встречи.

Елена опустила шкатулку на столик у зеркала.

— Я рассчитывала, что разговор закончится до полуночи. Потом Павел откроет.

— Павел, которого никто не видел с утра, — сказала Марина.

Снаружи Роман переходил от машины к машине. Автомобиль Анны открылся, но не завёлся. У машины Максима даже не вспыхнули габариты. Марина наблюдала, как водитель подошёл к её машине, и сильнее сжала ключ в кармане.

Она постучала в стекло и подняла связку. Роман кивнул. Антон открыл входную дверь на прежнюю ладонь. Марина просунула ключ в щель. Роман поймал его, очистил замок и сел за руль.

Панель ожила. Двигатель провернулся уверенно, схватил и тут же заглох. Со второй попытки произошло то же самое.

Антон закрыл глаза на секунду, прислушиваясь.

— Аккумулятор у неё нормальный. Подачи топлива нет или блокировка двигателя.

— На панели красный ключ мигает! — крикнул Роман.

— Иммоилайзер. Дайте брелок ближе к кнопке.

— Это обычный ключ!

Марина знала: в пластиковой головке стоял маленький чип. Без него машина не должна была даже схватить. Значит, причина была другой.

— Запасной брелок у меня дома, — сказала она.

Антон нахмурился.

— Тогда кто-то мог поставить дополнительную блокировку. Или перекрыли топливо.

Роман выбрался, лёг в снег возле заднего колеса и посветил под днище. Потом открыл лючок бензобака.

— Крышка закрыта. Следов нет.

— Пусть не лезет под машину один, — сказала Анна. — Если она покатится...

— Стояночный тормоз затянут, — ответила Марина, но тревога Анны уже передалась ей.

Она ударила ладонью по стеклу. Роман поднялся.

— Возвращайтесь в гараж! — крикнул Антон. — Хватит проверять.

— Ворота сначала!

Водитель пошёл к кованым створкам. На одной стойке находилась клавиатура под защитной крышкой. Елена продиктовала четыре цифры. Роман набрал код. Красная лампа мигнула трижды.

— Ещё раз, — сказала Елена и повторила те же цифры. Результат не изменился.

— Код меняли? — спросил Грановский.

— Нет.

— Кто имеет право менять?

— Павел и владелец дома.

— Имя владельца.

— Компания «Северный берег».

— Имя человека.

— Я общалась с управляющим.

Грановский достал из портфеля блокнот и записал название.

— Договор аренды покажете сейчас.

— Потом.

— Нет. Вы представили эту встречу как переговоры по поручению Крайновой. Дом арендовали вы. Связь отключена. Выходы закрыты. Ключи и инструменты исчезли. Теперь вы назовёте сторону договора и человека, который дал вам доступ к системе.

— Вы пытаетесь превратить техническую задержку в препятствие.

— Я фиксирую обстоятельства до того, как вы предложите

те удобное объяснение.

Марина посмотрела на часы. Прошло одиннадцать минут с момента открытия окна. Ни один телефон не зазвонил. На подъездной дороге не показались фары.

Антон тоже смотрел на секундомер.

— Тревога наружу не ушла, — сказал он. — Либо линия охраны отключена, либо сигнал принимает только местная система.

— Но Роман снаружи, — сказала Анна. — Он может дойти до дороги.

Елена быстро повернулась к окну.

— Не может.

Все услышали не запрет, а уверенность.

— Почему? — спросила Марина.

— До шоссе восемь километров. Ночью обещали мороз. Он без шапки и в городских ботинках.

— Это не значит «не может».

— На дороге шлагбаум пансионата. Он тоже закрыт.

— Его можно обойти пешком.

— За ним лес и старый карьер. Дорогу перемело ещё днём.

— Откуда ты знаешь, если приехала вчера?

Елена прикрыла глаза. На этот раз она не успела придумать ответ.

Роман уже возвращался к дому. Он шёл быстро, высоко поднимая ноги из снега. Добравшись до гаражного окна, он

постучал по раме. Антон с Максимом помогли ему влезть. Куртка водителя была белой до пояса, пальцы покраснели.

— Код не работает, — сказал он. — В шкафу у стойки пусто. Обычно там аварийная рукоять. Все машины проверять не стал. У трёх аккумуляторы разряжены, у этой женщины мотор глушится. На дороге ни одного следа после нас.

— Следы возле гаража есть, — напомнил Антон.

— Они уходят за дом, не к воротам. Машина могла выехать через второй проезд.

Елена резко вскинула голову.

— Какой второй проезд?

— За гаражом колея. Свежая. В лес.

— Там хозяйственная дорога к котельной.

— Она выходит наружу? — спросила Марина.

— К старому корпусу пансионата. Дальше тупик.

— Кто приехал по ней час назад?

— Я не знаю.

Теперь это прозвучало иначе. Раньше Елена произносила «не знаю» как отказ поделить сведениями. Сейчас в голосе появился страх, и Марина ему не обрадовалась. Если подруга действительно не знала, кто ездит между домом и закрытым корпусом, то человек за дверями был не частью её уверенного замысла. Или Елена хотела, чтобы они так подумали.

— Техник приедет утром, — сказала она. — Павел должен вернуться к восьми. Даже если не вернётся, в посёлке

есть мастер. Я отправлю Романа к нему, когда откроем внутреннюю дверь.

— Чем отправите? — спросил Ланской. — На машине без аккумулятора или на машине без топлива?

— В доме есть зарядное устройство.

— Где?

Елена посмотрела в сторону гаража.

— Было в ящике с инструментами.

Ланской подошёл к ней так близко, что Марина увидела, как Елена отступила, хотя за спиной оставалось достаточно места.

— До утра я не жду. Ваши бумаги меня больше не интересуют. Роман выбьет дверь во двор. Если сработает тревога, тем лучше.

— Не выбьет, — сказал Антон. — Полотно открывается наружу, петли скрытые. Без лома только повредит замок.

— Тогда лом найдётся.

— Кто-то уже собрал всё, чем можно открыть дом без системы.

Эта фраза остановила спор.

Марина снова слышала провал света. Тридцать с лишним секунд. В глубине дома негромко гудел мотор, получал команду и не мог её выполнить. Кто-то закрыл ворота не только кодом: убрал ручку, разрядил машины, унёс инструменты, забрал запасной ключ. Это было не внезапное решение после ужина. К их приезду готовились.

— Никто больше не расходится по одному, — сказала она.

— Вы теперь командуете? — спросил Грановский.

— Нет. Я перевожу то, что уже произошло. Кто-то заранее убрал несколько независимых способов уехать. Значит, искать ещё один путь в одиночку — делать именно то, на что он рассчитывает.

— Или она, — тихо сказала Вера и посмотрела на Елену. Елена выдержала её взгляд.

— Если бы я хотела удержать вас, я не стала бы оставлять открывающееся окно.

— Датчик на нём должен был вызвать охрану, — ответил Антон. — Вы могли считать окно бесполезным.

— Но Роман выбрался.

— И куда он мог уйти без машины и связи?

Вера прижала папку к себе.

— Ты говорила, что им придётся выслушать.

— Выслушать — не значит остаться до утра.

— А что значит?

Елена ответила не сразу.

— Значит, что после первой записи они уже не смогут сделать вид, будто не знают.

— Записи, на которую никто не согласился, — сказала Марина.

— Мы ещё не начали.

— Начали. Как только ты привезла нас в дом, где выход зависит от неизвестного человека.

Лицо Елены изменилось. Не обида и не гнев — короткое признание удара. Марина впервые назвала не ошибку в устройстве вечера, а сам обман.

Анна положила телефон в карман.

— Я формальный заказчик, и я отменяю встречу. До открытия ворот мы занимаемся только выходом и безопасностью. Никаких записей, документов и вопросов об Олеге.

— Вы не можете отменить разговор, который не заказывали, — сказала Вера.

— Зато могу отозвать своё имя. Елена, вы больше не действуете от моего поручения.

— Хорошо.

Елена сказала это слишком легко.

— И что теперь? — спросил Максим.

— Теперь нам нужно переждать ночь. В доме тепло, есть вода и еда. Утром приедет техник.

— Как он узнает, что нужен? — спросила Марина.

— Павел должен вернуться.

— Это не техник.

— Он вызовет.

— Как, если связь отключена?

Елена посмотрела на красную лампу у хозяйственной двери.

— У него есть рация.

— Ты только что придумала рацию или видела её?

— Видела в машине.

— В какой?

— В служебной «Ниве».

Они одновременно вспомнили мокрые следы в гараже и запертую машину, которая появилась там меньше часа назад.

Антон развернулся первым.

— Тогда возвращаемся в гараж.

— Машина закрыта, — сказала Елена.

— Стекло дешевле ночи без связи.

Они снова пошли по коридору, уже быстрее. Марина оказалась рядом с Еленой. Хотелось схватить её за руку и потребовать одного честного ответа — не обо всём замысле, только о том, чего она сама сейчас боится. Но подруга держала руки в карманах и смотрела вперёд.

— Ты правда не знаешь, кто включил режим? — спросила Марина тихо.

— Не знаю.

— Кто должен был управлять дверями во время встречи?

— Павел.

— Он согласился запереть людей?

— Он согласился закрыть ворота на ночь. Все должны были остаться добровольно.

— После того как ты покажешь запись?

Елена не ответила.

— Кто такой П...ов?

— Сейчас не время.

— Именно сейчас. Он мог приехать по хозяйственной дороге.

— Не мог.

— Почему?

— Потому что он боится этого дома больше, чем вы.

Марина остановилась, но Елена пошла дальше.

В гараже Антон взял с полки тяжёлый огнетушитель. Роман накинул на стекло «Нивы» куртку. Елена в последний момент подняла руку.

— Подождите. В бардачке может быть запасной ключ от аппаратной.

— Тогда тем более, — сказал Антон.

Он ударил основанием огнетушителя в нижний угол бокового стекла. Первый удар оставил белую звёздочку. Второй осыпал стекло внутрь. Под курткой хрустнули мелкие кусочки.

Сирена не включилась.

Антон открыл дверь изнутри и наклонился в салон. Через несколько секунд он выпрямился. В одной руке держал рацию, в другой — короткий чёрный кабель с обрезанным концом.

— Рация есть, — сказал он. — Только антенну от неё отрезали.

Елена взяла кабель. На свежем срезе блестела медь.

Антон включил аппарат. Экран загорелся, заряд был полным. Из динамика донёсся ровный шум. Он прошёл по ка-

налам, назвал позывной управляющего и повторил его три раза. Никто не ответил.

— На таком расстоянии без антенны она услышит только человека за стеной, — сказал он. — Если повезёт.

— Бардачок, — напредила Марина.

Роман открыл его. Внутри лежали страховой полис, рабочие перчатки и пустой бумажный конверт. На конверте синей ручкой было написано: «Аппаратная. Запасной».

Елена не прикоснулась к нему.

Марина посмотрела на мокрые следы под «Нивой». Машина приехала недавно. Кто-то поставил её в гараж, вынул ключ, отрезал антенну радики и оставил конверт, чтобы они точно поняли, чего больше нет.

Свет снова потускнел. На этот раз мотор в глубине дома гудел дольше обычного, а затем раздался тяжёлый металлический удар.

Антон поднял голову.

— Это не ворота.

— Что тогда? — спросила Анна.

Он выключил радику. В наступившей тишине из дальнего крыла донёлся второй удар, будто большой засов вошёл в паз.

— Ещё одна дверь, — сказал Антон.

Марина поняла, что дом продолжал закрываться, пока они искали выход. Утро, обещанное Еленой, теперь находилось по другую сторону неизвестного количества замков.

Глава 5. Голос Олега

Антон поставил огнетушитель на пол и вышел из гаража. Остальные двинулись за ним, но у лестницы он поднял руку.

— Стойте.

Дом молчал. Потом из дальнего крыла донёлся сухой щелчок, и где-то под потолком ожил динамик.

Сначала послышался шум, похожий на ветер в телефонной трубке. Затем мужской голос произнёс по-английски:

— If the independent tests are delayed beyond the agreed date...

Марина вцепилась в перила.

Олег всегда чуть смягчал первый звук в слове tests. Не потому, что не умел иначе. После нескольких часов синхронного перевода он экономил движение языка, и согласная становилась почти русской. Марина дразнила его за это на учебных записях. Он отвечал, что заказчики платят за смысл, а не за показательные упражнения перед зеркалом.

Голос продолжил:

— ...the source materials shall be transferred to the partner upon written request.

Та самая фраза. Только теперь после неё Олег по-русски сказал:

— Я перевожу то, что мне передали. Прошу приложить письменное распоряжение к протоколу.

Запись оборвалась.

Никто не двигался. Даже Елена, которая ждала этого разговора шесть лет, стояла с пустым бумажным конвертом в руке и смотрела вверх.

Вера первой побежала к переговорной.

— Вера! — крикнула Марина.

Та не остановилась. Марина догнала её у поворота. В коридоре свет погас на секунду, снова включился, и динамик повторил английскую фразу с начала.

— Это он, — сказала Вера. — Ты слышишь? Он попросил приложить распоряжение.

— Слышу.

— Значит, запись была.

— Значит, у кого-то есть файл с его голосом.

— Ты опять ищешь, почему ему нельзя верить.

— Я ищу, где начало и конец.

Вера оттолкнула дверь переговорной. Красная лампа над кабиной теперь горела. На главном экране появилась звуковая дорожка: зелёная полоса на чёрном фоне двигалась слева направо, под ней шёл отсчёт времени. До конца оставалось девять секунд.

Антон подошёл к стойке управления и не коснулся её.

— Кто включил?

— Не я, — ответила Елена.

— У вас на ноутбуке открыта программа.

На столе перед местом организатора стоял тонкий ноут-

бук. Крышка была поднята, хотя за ужином Елена её закрывала. Экран требовал пароль. Рядом лежал подключённый кабель.

— Я оставила его заблокированным, — сказала она.

— Кабель куда идёт?

— В настольный блок, дальше в сервер.

— Через него можно запустить звук?

— Да, если войти в систему.

— Кто знает пароль?

— Я.

— Только вы?

Елена не ответила.

Запись дошла до конца и началась снова. Теперь Марина слушала не слова. Перед первой репликой Олега шум был ровным, с низким гулом вентиляции. После английской фразы на долю секунды наступала слишком чистая тишина. Потом начиналась русская реплика — на другом фоне, где едва слышно позвякивало стекло.

— Выключите, — сказала она.

Вера заслонила стойку.

— Нет.

— Мне нужно услышать один раз в наушниках.

— Ты уже слышала.

— Я слышала две реплики.

— Одного человека.

— Возможно, в разное время.

Вера побледнела.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что между ними склейка.

Елена подошла ближе к экрану.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому нужны наушники и сам файл.

Антон выдернул кабель из настольного блока. Звук прекратился на середине слова, но дорожка продолжала двигаться без звука.

— Управление идёт не отсюда, — сказал он. — Но усилитель комнаты я отключил.

Ланской занял место у двери.

— Никто не трогает ноутбук, пока мы не выясним, что включило запись.

— Вы юристом стали? — спросил Грановский.

— Нет. Человеком, которого удерживают в доме и развлекают голосами мёртвых.

— Тогда не мешайте тем, кто понимает значение записи.

— Я как раз понимаю. Она заставляет нас обсуждать нужную тему, хотя встреча отменена.

Грановский посмотрел на Елену.

— Это и было вашей первой частью?

— Нет.

— Но файл ваш.

— Я привезла носитель с материалами. На нём могли быть фрагменты голоса Олега, но я не монтировала этот ролик.

— Вы его раньше слышали? — спросила Марина.

Елена медлила всего секунду, но этого хватило.

— Слышала английскую часть.

— А русскую?

— Нет.

— Где был носитель?

— В аппаратной.

— Значит, человек с запасным ключом получил и запись, и управление домом, — сказал Максим.

— Если носитель ещё там, — ответил Антон.

Марина надела наушники в кабине. После отключения кабеля там было тихо. Она подключила их к выходу ноутбука, но тот оставался заблокированным.

— Введи пароль, — сказала она Елене.

— Тогда вы получите доступ ко всем материалам.

— Ты только что проиграла их на весь дом.

— Не я.

— Тем более. Если кто-то использует твой компьютер, нужно увидеть журнал запуска.

— Пароль может открыть папку с личными данными.

Грановский усмехнулся.

— Наконец-то вы вспомнили о личных данных.

Елена села перед ноутбуком, прикрыла клавиатуру ладонью и ввела пароль. Рабочий стол открылся. На нём были три папки: «Договор», «Встреча» и «Система». Окно звукового проигрывателя отсутствовало.

Антон попросил мышь. Елена не отдала.

— Сначала копия файла, — сказала Марина. — На отдельный носитель.

— У кого есть пустая флешка? — спросила Анна.

У Максима нашлась флешка с презентацией. Он предложил стереть её, но Грановский потребовал ничего не удалять. Тогда Антон достал из кармана маленький накопитель.

— Диагностический. На нём схемы оборудования, но свободного места хватит.

— После копирования опечатаем, — сказала Марина. — Ещё одну копию оставим на компьютере, третью — кому-то, кто не связан ни с Еленой, ни с Костиными.

Ланской поднял брови.

— Вы уже распределяете доказательства?

— Пока только файл, происхождение которого неизвестно.

— И кому предлагаете третью копию?

Марина посмотрела на Анну.

— Формальному заказчику, которая отозвала поручение. Анна кивнула.

Елена открыла папку «Встреча». В ней лежали программа, список гостей, сканы договоров и каталог «Материалы». Каталог требовал отдельный пароль.

— Вот его я не знаю, — сказала Елена.

— Кто установил? — спросил Антон.

— Владелец носителя.

— Тот самый человек на «П»?

— Не обязательно.

— Что значит «не обязательно»?

— Носитель передавали через посредника.

— Имя.

— Я обещала не называть до его согласия.

— Человека нет, согласия нет, зато его файл включает замки, — сказал Ланской. — Очень надёжное обещание.

Антон открыл папку «Система». Там находился один ярлык с названием дома и текстовый документ «Инструкция». В инструкции перечислялись свет, звук, шторы и климат. Дверей не было.

— Это гостевой доступ, — сказал он. — Но звук можно запускать из программы дома. Нужен не ваш пароль, а учётная запись на сервере.

— Её знает Павел.

— И человек, который настроил расписание.

Вера стояла за креслом Марины.

— Можно просто сохранить то, что уже прозвучало?

— Если найдём его во временных файлах, — ответил Антон.

Он открыл список последних документов. Среди договоров и таблиц была звуковая дорожка с бессмысленным названием из цифр. Время открытия — 20:58, меньше минуты назад. Путь вёл не в закрытый каталог, а в служебную папку на самом ноутбуке.

— Файл загрузили локально, — сказал он. — Или скопировали сюда заранее.

— Открывайте, — потребовала Вера.

— Сначала свойства.

В окне стояла дата создания: сегодняшний день, 18:11. Дата изменения: 20:57. Автор отсутствовал. Длительность — двадцать семь секунд, хотя прозвучавший фрагмент занимал меньше двадцати.

— В шесть одиннадцать ноутбук был у тебя? — спросила Марина.

— Да. Я готовила зал.

— Он подключался к сети?

— К внутренней.

— Кто находился рядом?

— Павел. Потом Вера.

Вера отступила.

— Я не подходила к компьютеру.

— Я не говорю, что подходила.

— Но назвала меня.

— Ты была в комнате за кухней до ужина, — напомнила Марина. — Не здесь.

— Елена выводила меня пройтись, когда приехал Ланской. Я стояла в холле.

— Ноутбук был в переговорной, — сказала Елена.

— Дверь была открыта.

Антон скопировал файл на накопитель и передал его Ма-

рине. Она вставила флешку в пульт кабины, выбрала дорожку и надела закрытые наушники. Не успела нажать воспроизведение, как за стеклом поднялся спор.

— Мы не давали согласия на исследование материалов, — говорил Грановский.

— Вашего голоса здесь нет, — ответила Вера.

— Вы пока этого не знаете.

Марина закрыла дверь кабины. Звуки комнаты стали глухими. Она установила скорость воспроизведения на половину и нажала кнопку.

В начале было семь секунд фонового шума. На обычной скорости они почти не ощущались. Теперь Марина слышала дыхание человека возле микрофона, шорох бумаги и далёкий стук. Потом голос Олега произнёс английскую фразу. Между словами *agreed* и *date* уровень шума резко упал, а последняя часть началась на полтона ниже.

Это была ещё одна склейка.

Марина вернула начало. На седьмой секунде перед первой согласной слышался короткий цифровой щелчок. На тринадцатой — второй. На шестнадцатой фон полностью менялся, и Олег переходил на русский.

Она сняла наушники.

— Здесь минимум три фрагмента.

— Откуда вы знаете? — спросил Максим.

— Меняется фон и высота голоса. Английская фраза сама собрана из двух частей. Послушайте слово *date*: до него Олег

говорит чуть быстрее, после — медленнее. В обычной речи так бывает, но вместе со скачком шума это монтаж.

— Содержание от этого не меняется, — сказала Вера.

— Мы не знаем. Между частями могли быть другие слова.

— Какие?

— Любые. «Если заказчик предлагает», «я не могу сказать», «не переводите как». У нас нет пропущенного куска.

— Но русская реплика настоящая?

— Голос настоящий. Реплика могла относиться к другому разговору.

Вера отвернулась к экрану.

— Ты всегда так делала?

— Как?

— Когда Олег просил помощи. Разбирала каждое слово, пока от просьбы ничего не оставалось.

Марина почувствовала, как под рёбрами стало холодно. О последней переписке знали только она и Елена. Возможно, Олег показывал сообщения ещё кому-то, но Вера говорила не о факте, а точно попала в то, чего Марина сама себе не прощала.

— Он прислал мне английскую фразу и фотографию записки, — сказала она. — Я ответила, что по той записке перевод возможен, но без оригинала его обвинят. Русский текст на вашем листе другой.

— И что ты сделала потом?

— Ничего.

— Вот именно.

Елена шагнула к ним.

— Вера, не сейчас.

— А когда? Когда вы снова решите, что файл недостаточно чистый, свидетель недостаточно смелый, а погибший недостаточно аккуратно просил спасти его имя?

— Чистота файла нужна именно для его имени, — сказала Марина. — Если мы назовём монтаж доказательством, Грановский разберёт его за пять минут. Потом никто не станет слушать настоящий фрагмент, если он найдётся.

— Вы считаете, он может быть настоящим? — спросила Анна.

— Части настоящие. Их порядок и соседство — нет.

Грановский протянул руку.

— Дайте послушать.

Марина отдала ему наушники, но флешку оставила в пульте. Он прослушал запись дважды, не меняя выражения лица.

— Это не доказывает даже участие Олега в спорной встрече, — сказал он.

— Его тембр узнаваем, — возразила Вера.

— Тембр доказывает, что кто-то располагал его голосом. Госпожа Левина права: фон различается. Более того, фраза «прошу приложить письменное распоряжение» могла быть сказана в любой момент его карьеры.

— Вы раньше слышали эту реплику? — спросила Марина.

— Нет.

— Но сразу придумали, откуда её могли взять.

— Я не придумал. Переводчики регулярно просят приложить письменное распоряжение.

— Не регулярно, — сказала Марина. — Обычно мы просим подтвердить термин или дать текст. Формулировка про приложение к протоколу характерна для совещания, где ведётся протокол.

— Та встреча протоколировалась.

— Вы утверждали, что записи не было.

— Звук не записывался. Секретарь составлял письменный протокол.

— Кто?

Грановский положил наушники на стол.

— Не помню.

— Шесть лет вы помнили достаточно, чтобы подписать заключение, а имя секретаря забыли?

— Заключение составлялось по документам. Фамилия секретаря не относилась к причинам ошибки перевода.

— Теперь относится.

Елена наблюдала за ним с тем же напряжённым вниманием, что за ужином. Марина поняла: ради этой реакции и был нужен голос. Не обязательно как доказательство. Как наживка, после которой участник добавит новую деталь. Кто-то заставлял встречу продолжаться, даже когда Елена потеряла управление.

— Вы хотели, чтобы мы услышали монтаж? — спросила Марина у неё.

— Нет.

— Но хотели включить какую-то запись.

— После того как все согласятся.

— Какую?

— Полную дорожку.

— Она у тебя есть?

Елена посмотрела на закрытый каталог.

— Мне сказали, что есть.

— Кто сказал?

— Посредник.

— Имя.

— Нет.

Ланской ударил ладонью по столу.

— Тогда мы закончили. Вы скрываете человека, который мог запереть нас в доме.

— Он не здесь.

— Вы не знаете, кто здесь.

— Этот человек не способен управлять системой.

— Зато способен передать файл тому, кто способен.

Антон всё это время смотрел не на спорящих, а на список свойств файла.

— Тут есть ещё двадцать семь секунд, — сказал он.

— Мы прослушали восемнадцать, — ответила Марина.

— Проигрыватель в комнате начинал с отметки семь и за-

канчивал на двадцати пяти. Первые семь вы услышали в наушниках как шум. Последние две не включались вообще.

Он увеличил дорожку. В самом конце виднелся тонкий всплеск.

Марина снова надела наушники и передвинула указатель на двадцать пятую секунду. Сначала была тишина. Потом едва слышный голос произнёс одно слово:

— Марина.

Она отшатнулась так резко, что стул ударился о стену кабины.

За стеклом Вера что-то спросила. Марина не слышала. Она вернула указатель и прибавила громкость.

— Марина, не отправляй...

Дальше шёл обрыв.

Это был Олег. Не только тембр — интонация сообщения, которое адресовано одному человеку. На втором слоге её имени голос поднимался, будто он одновременно звал и проверял, слушает ли она.

Марина сняла наушники и открыла дверь.

— Там моё имя.

Елена побледнела.

— Этого не было в файле, который я слышала.

— Ты слышала английскую часть. Ты сама сказала.

— Я слышала фрагмент дольше.

— Насколько?

— Около минуты. Там не было обращения к тебе.

— Значит, этот файл сделали отдельно.

Вера шагнула в кабину и потребовала наушники. Марина включила последние секунды. После прослушивания Вера не сказала ничего. Гнев на её лице сменился растерянностью.

— Он говорил с тобой, — наконец произнесла она.

— Да.

— О чём?

— Не знаю.

— Ты должна помнить.

— У нас были сотни разговоров.

— За сколько дней до смерти?

— Я не знаю, откуда взят кусок.

— Но узнаёшь?

Марина закрыла глаза. Отдельной записи она не помнила. Олег присылал голосовые сообщения из поездов, переговоров, такси. Некоторые она сохраняла, другие удаляла вместе с переписками клиентов. Фраза «не отправляй» могла относиться к черновику перевода, счёту, фотографии, любой мелочи. Но человек, собравший монтаж, рассчитывал, что её имя превратит неизвестность в вину.

— Узнаю голос. Разговор — нет.

— У тебя сохранилась переписка? — спросил Грановский.

— Частично.

— На телефоне?

— В старом архиве.

— Где он?

— Не здесь.

— Очень удобно, — сказала Вера его же тоном.

Марина сняла флешку с пульта.

— Именно поэтому файл нельзя считать целым. Человек, который его сделал, знает о моей связи с Олегом и хочет, чтобы мы спорили о пропущенных словах.

— Может, он хочет, чтобы ты вспомнила, — сказала Елена.

— Тогда пусть отдаст исходник.

Антон вернул накопитель себе и переключил маленький ползунок защиты от записи.

— Теперь этот экземпляр нельзя изменить без снятия блокировки. Нужны ещё две копии.

Максим всё-таки освободил место на своей флешке, перенеся презентацию в другую папку. Анна получила копию на карту памяти из диктофона. Марина записала время, размер файла и его длинное цифровое имя на обороте программы встречи. Грановский наблюдал, но не мешал.

— Что даст размер? — спросила Вера.

— Если файл изменят, он, скорее всего, станет другим. Надёжнее посчитать контрольную сумму, но для этого нужен инструмент.

Антон открыл на ноутбуке служебное окно и ввёл команду. На экране появилась длинная строка букв и цифр.

— Это как отпечаток файла, — объяснил он. — Совпадёт

хотя бы один знак не так — перед нами уже другая копия.

Марина переписала строку трижды и отдала листы Анне, Максиму и Грановскому.

— Почему мне? — спросил Грановский.

— Потому что вы первым станете утверждать, что файл изменили после этой ночи.

Он сложил лист пополам и убрал во внутренний карман.

— Разумно.

За стеной что-то зашуршало. Красная лампа над кабиной погасла. Затем экран на стене сам переключился со звуковой дорожки на схему дома. Серые прямоугольники обозначали комнаты, красные — двери. Главный вход, хозяйственный выход и гаражные ворота были красными. Теперь к ним добавилась дверь между жилым и техническим крылом.

Антон подошёл к экрану.

— Вот что закрылось после гаража.

— Аппаратная там? — спросила Марина.

— Да. И котельная.

Елена провела пальцем по схеме, не касаясь стекла.

— Есть другой проход через библиотеку.

— Он тоже ведёт в техническое крыло?

— В коридор перед аппаратной.

— Почему его нет на схеме?

— Это старая дверь. Ею не пользуются.

— Ключ?

— Обычный замок. Возможно, открыт.

Ланской встал.

— Никуда не идём, пока не договоримся, кто остаётся здесь и кто проверяет дверь.

— Вы же хотели выйти любой ценой, — заметил Максим.

— Хотел. Теперь кто-то включает запись и закрывает крылья в ответ на наши действия. Я не собираюсь вести всех в очередной коридор.

— Я пойду, — сказал Антон. — Нужен второй человек.

Марина поднялась.

— Я.

— Нет, — сказала Елена.

— Почему?

— Потому что файл обращён к тебе.

— Именно поэтому.

— Человек, который его собрал, хочет, чтобы ты пошла.

— А ты хотела, чтобы я приехала. Пока разница неочевидна.

Елена сжала губы.

Антон взял фонарь и проверил заряд.

— До библиотеки вместе. У двери останутся двое, внутрь войдём мы с Мариной. Если через пять минут не вернёмся, никто не идёт следом. Ищите другой выход.

— Очень ободряюще, — сказал Максим.

— Это лучше, чем расходиться без времени возврата.

Марина положила телефон в карман. Сети не было, но диктофон работал. Она включила запись и вслух назвала да-

ту, время, имена людей в комнате и цифровой отпечаток файла. Потом добавила:

— Фрагмент состоит минимум из трёх частей. Происхождение и порядок реплик не установлены.

Вера слушала, обняв себя за плечи.

— Ты даже его голос превращаешь в оговорку.

— Нет. Я не позволю превратить его голос в чужую ложушку.

На этот раз Вера не возразила.

Они вышли из переговорной. Антон шёл первым, за ним Марина, затем Максим и Роман. У входа в библиотеку Елена показала узкую дверь за стеллажом. Её почти скрывала тяжёлая штора.

Антон отодвинул ткань. В замочной скважине торчал ключ.

— Очень щедро, — сказал Роман.

Антон не повернул его. Посветил на пол и показал Марине тонкую тёмную нить, протянутую от нижнего края двери к ножке стеллажа.

— Не наступайте.

Нить была не проводом, а магнитной лентой от дверного датчика. Кто-то снял её с корпуса и закрепил так, чтобы она натянулась при открытии.

— Что произойдёт? — спросил Максим.

— Не знаю. Может просто оборваться и дать сигнал. Может потянуть что-то за стеллажом.

Марина присела, не касаясь ленты. За книгами на нижней полке виднелся маленький чёрный блок. На нём мигал зелёный огонёк.

— Это микрофон?

Антон наклонился.

— Диктофон с передачей по внутренней сети.

— Нас слушают?

— Или записывают, когда мы подходим к двери.

Марина посмотрела на ключ, оставленный в замке. В доме ничего не забывали случайно. Им давали именно те возможности, которые заставляли сделать следующий шаг.

Из кармана Елены, оставшейся в переговорной, донёсся приглушённый крик. Через секунду она прибежала к библиотеке с телефоном в руке.

— Появилась сеть, — сказала она.

На экране было одно деление. Вверху высветилось имя входящего: «Павел».

Елена нажала ответ и включила громкую связь.

В трубке трещало. Потом знакомый голос Олега произнёс:

— Марина, не отправляй...

Связь оборвалась.

Имя «Павел» исчезло. Деление сети пропало вместе с ним.

Антон посмотрел не на телефон, а на чёрный блок за книгами.

— Это был не звонок, — сказал он. — Система подменила

экран и передала звук по внутренней сети.

Елена медленно опустила руку.

Марина смотрела на дверь с ключом. Голос Олега не звал их к правде. Кто-то использовал его, чтобы указывать направление.

Глава 6. Комната без ключа

Антон выключил чёрный блок за книгами. Зелёный огонёк погас, но тишины не стало. В стене ровно гудели трубы, за окнами шёл снег, а в дальнем конце дома трижды щёлкнуло реле. Марина уже различала эти звуки. Дом не отвечал им, как живое существо. Кто-то нажимал кнопки и ждал, что они сделают дальше.

— Ключ не трогаем, — сказал Антон. — Сначала лента.

Он попросил у Романа пластиковую карточку. Тот нашёл в кошельке пропуск на старую парковку и протянул его, не подходя к двери. Антон прижал магнитную ленту к полу краем карточки и медленно отделил её от ножки стеллажа. Лента тянулась, будто её приклеили жвачкой. Под ней обнаружилась тонкая леска.

— Вот это уже не датчик, — сказал Роман.

Леска уходила за нижнюю полку. Максим опустился на колено и посветил телефоном сбоку. Между книгами стояла металлическая кружка, наполненная гайками. Леска была привязана к ручке.

— Откроешь дверь — кружка упадёт, — сказал он. — И весь дом услышит.

— Не весь дом. Тот, кто слушал этот блок.

Антон перерезал леску маленькими кусачками. Кружка осталась на полке. Затем он снял ленту до конца, свернул её

и положил рядом с чёрным блоком.

Марина наблюдала за его пальцами. Они двигались спокойно, но не безошибочно: один раз карточка соскользнула, и он резко отдернул руку. В гараже Антон казался человеком, который заранее знает устройство каждой вещи. Здесь он тоже угадывал. Просто не скрывал этого.

— Теперь ключ? — спросила Елена.

— Теперь вы скажете, откуда знаете про проход.

— Павел показывал дом перед арендой.

— Когда?

— Три недели назад.

— Дверь была открыта?

— Да.

— Ключ торчал так же?

Елена посмотрела на замок.

— Кажется, лежал у Павла.

— Не кажется. Либо вы видели, либо нет.

— Он открыл дверь своим ключом.

— А этот появился сегодня.

— Я его не оставляла.

Роман шагнул к Елене.

— У вас всё кто-то другой делает. Антенну повернул другой. Машины посадил другой. Ваш файл собрал другой. Может, и нас сюда другой позвал?

— Я позвала, — ответила она. — И собиралась добиться разговора. Не удерживать вас.

— Ворота вы собирались закрыть.

— До утра. Об этом я уже сказала.

— Человек, который запирает ворота, не может удивляться, что пленники не различают его замки и чужие.

Елена выдержала его взгляд. Марина знала эту её способность: не отводить глаз, когда ответ уже проигран. В университете Елена так спорила с преподавателями и начальниками, потом — с врачами Олега. Иногда это было мужеством. Иногда просто способом не признавать, что страшно.

— Мы вернёмся к этому, — сказала Марина. — Сейчас нужно попасть к отоплению.

Антон обернул ключ салфеткой и осторожно повернул. Замок поддался сразу. Дверь открылась внутрь на ширину ладони и остановилась.

Из щели пахнуло холодной пылью.

— Что держит? — спросил Максим.

Антон посветил вниз. За дверью лежал деревянный клин, связанный шнуром с ручкой. При попытке распахнуть дверь клин затягивался глубже.

— Ещё одна игрушка, — сказал Роман.

— Эта хотя бы не скрыта.

Через щель Антон просунул металлическую линейку, которую взял со стола в переговорной. Подтолкнул клин, ослабил шнур и распахнул дверь. За ней оказался узкий коридор без окон. На стене горела одна аварийная лампа. Справа тянулись серые трубы, слева стояли пустые стеллажи. В конце

виднелась ещё одна дверь с табличкой «Аппаратная».

— Пять минут, — напомнил Роман. — Потом возвращаетесь.

— Если дверь за нами не закроется, — сказал Антон.

Он снял с нижней полки тяжёлый том энциклопедии и положил поперёк порога. Максим добавил второй. Марина включила на телефоне секундомер и диктофон.

— Двадцать один час семнадцать минут, — произнесла она. — Скрытая дверь библиотеки открыта. В проход входят Марина Левина и Антон Рудин. У порога остаются Роман и Максим. Елена Воронова остаётся с ними.

— Я иду, — сказала Елена.

— Нет, — ответили Антон и Марина одновременно.

Марина первой шагнула в проход. Пол под ногами был покрыт старым линолеумом. На пыли отпечатались не только их подошвы. От двери к аппаратной шла свежая полоса, будто кто-то недавно протащил сумку или ящик.

Антон присел возле следа.

— Один проход туда, один обратно. Возможно, колёса.

— Носитель?

— Для флешки ящик не нужен.

Он показал на стену. Между трубами проходил новый чёрный кабель, прикреплённый пластиковыми хомутами. Кабель исчезал в отверстии над дверью аппаратной.

— Такой же был у ноутбука Елены?

— Похожий. Здесь обычная сеть. По ней могли передать

звук и картинку на телефон.

До двери оставалось четыре шага, когда под потолком вспыхнул белый свет. Аварийная лампа погасла. Из динамика, спрятанного где-то в стене, раздался женский голос:

— Несанкционированный доступ. Подтвердите право обслуживания.

Антон остановился.

— Автоматика?

— Записанная фраза, — сказала Марина. — Слишком ровное дыхание, а слово «обслуживания» взято из другой части.

— Уже слышите склейки везде?

— Теперь приходится.

Голос повторил требование. Антон посмотрел вверх и сказал громко:

— Антон Рудин. Техническое обслуживание связи.

Ничего не произошло.

— Значит, не ждёт ответа, — сказал он. — Просто предупреждает того, кто смотрит журнал.

Дверь аппаратной не имела замочной скважины. Рядом с ручкой стояла квадратная панель с тремя кнопками и маленьким экраном. На экране светилось: «Основной доступ недоступен. Аварийное открытие отключит климат: западное крыло».

— Западное — это спальни? — спросила Марина.

— По схеме, да. Переговорная и библиотека в центре. Ко-

тельная дальше. Отключится не весь дом.

— На сколько?

— Здесь не написано.

Сзади донёсся голос Елены:

— Что там?

Марина повернулась. Все трое стояли за порогом библиотеки, но Елена наклонилась в коридор.

— Аварийное открытие отключает отопление спален.

— Открывайте.

— Ты знала об этом?

— Нет.

— Тогда почему так быстро?

— Потому что ночью будет минус восемнадцать. Если сейчас не получим управление, потом будет хуже.

Антон провёл пальцем вдоль края панели, не нажимая кнопок.

— Это не механический замок. При аварийном открытии система снимает питание с одного контура. Возможно, чтобы освободить мощность или не допустить скачка. Возможно, просто так запрограммировали.

— Можно вернуть отопление изнутри?

— Если там есть управление климатом. Если нет — будем включать ручную в котельной.

— А если дверь не откроется?

— Тогда останемся без отопления и без аппаратной.

На экране мигало одно слово: «ПОДТВЕРДИТЬ».

Марина вспомнила первое обещание Елены: к девяти они уедут, если связь не появится. Было уже семнадцать минут десятого. Каждый следующий выбор предлагали как временный. Сдать телефоны — на время разговора. Закрыть ворота — до утра. Отключить спальни — пока не найдут управление. Временные решения складывались в дом, из которого нельзя выйти.

— Сначала выведем из спален вещи и воду, — сказала она.

— Потеряем время, — возразила Елена.

— Зато не будем потом бегать по холодному крылу. Здесь обещают отключение, а не пожар.

— Тот, кто сидит внутри системы, может закрыть дверь прямо сейчас.

— Она уже закрыта.

Роман поддержал Марину. Максим предложил принести одеяла в переговорную и проверить, нет ли в западном крыле ещё людей. Последняя фраза заставила всех замолчать.

— Там никого, — сказала Елена.

— Вы так же говорили о доме до появления Веры, — напомнил Максим.

Антон не стал ждать спора. Он поставил телефон перед панелью так, чтобы камера снимала экран, и вернулся в библиотеку вместе с Мариной. Дверь аппаратной осталась перед ними, освещённая белой лампой, словно приглашение, которое умело ждать.

Они прошли западное крыло всей группой. Марина открывала каждую комнату и громко называла её номер. Антон заглядывал под кровати и в шкафы, Роман проверял окна. Никаких людей не нашли. Зато в комнате Веры за шторой обнаружился второй дорожный рюкзак.

— Не мой, — сказала Вера.

Рюкзак был пуст, кроме упаковки батареек, мотка изолен-ты и чека с заправки. На чеке стояло сегодняшнее время — 16:48. Заправка находилась на трассе в двадцати километрах от дома.

— Павел? — спросила Анна.

Елена взяла чек за край.

— Он должен был заехать за продуктами примерно тогда.

— И почему его рюкзак у Веры? — спросил Ланской.

— Я увидела его только сейчас, — ответила Вера. — Когда меня поселили, шторы были задёрнуты.

Марина записала находку, но не позволила унести рюкзак. Его оставили на столе, дверь комнаты закрыли и наклеили на стык бумажную полоску с подписями Анны и Романа. Елена смотрела на эту осторожность с раздражением.

— Пока мы подписываем бумажки, человек получает время.

— Какой человек? — спросила Марина.

— Тот, кто управляет домом.

— Павел?

— Возможно.

— Посредник на «П»?

Елена ответила не сразу:

— Возможно.

— Это один человек?

— Я не знаю.

— Но допускаешь.

— Я допускаю всё, что помогает нас вывести.

— Нет. Ты допускаешь всё, кроме имени.

Елена отвернулась и понесла одеяла в переговорную.

Через девять минут спальни были пусты. Участники сложили верхнюю одежду, лекарства и бутылки с водой в центральном холле. Анна принесла аптечку. Грановский настоял, чтобы его портфель оставили при нём. Ланской пересчитал людей: девять. Три свободных места в шкатулке для телефонов снова обрели неприятный смысл.

У скрытой двери Антон показал всем предупреждение на экране и объяснил риск.

— Нажатие снимает питание с отопительного насоса западного крыла. Не знаю, восстановится ли оно автоматически. У нас есть камин в центральном зале и отопление восточного крыла. Если дверь откроется, внутри ищем только управление, журнал событий и безопасный способ открыть выход. Никакие файлы не запускаем.

— А материалы Олега? — спросила Вера.

— Никакие, — повторил Антон.

— Если их сотрут, пока вы смотрите на батареи?

— Если мы запустим неизвестный файл, могут закрыться ещё двери.

Марина ждала, что Елена поддержит сестру Олега. Та молчала.

— Кто нажимает? — спросил Максим.

Антон посмотрел на Марину.

— Я открою дверь, — сказала она. — Антон будет следить за трубами и экраном. Все остальные остаются в библиотеке.

— Почему вы? — спросил Грановский.

— Потому что я предложила идти в аппаратную и понижаю цену решения.

— Очень благородно, но кнопку потом будут изучать не по отпечаткам совести.

— Камера снимает. Я вслух назову, что вижу и почему нажимаю.

Она включила запись на телефоне.

— Двадцать один час тридцать одна минута. На панели аппаратной предупреждение: аварийное открытие отключит климат западного крыла. Люди и необходимые вещи из крыла выведены. Решение принято для доступа к управлению запертыми дверями и отоплением.

Марина коснулась кнопки.

Экран спросил: «Вы уверены?»

— Очень человеческая машина, — пробормотал Ланской.

Она нажала ещё раз.

Гул в трубах оборвался. Сначала ничего больше не про-

изошло. Потом справа, за стеной, тяжело ударил клапан. Свет в коридоре мигнул. Из западного крыла донёлся протяжный металлический стон — остывающие трубы отозвались слишком быстро, словно насос не просто выключили, а сбросили давление.

На панели побежал отсчёт: десять, девять, восемь.

Антон взялся за ручку.

— На нуле.

Когда цифра исчезла, внутри двери щёлкнул замок. Антон потянул. Дверь открылась на несколько сантиметров и снова остановилась.

— Не клин, — сказал он. — Кабель.

Новый чёрный кабель, проложенный по коридору, входил в комнату без запаса и натянулся поперёк проёма. Если распахнуть дверь, штекер вырвало бы из прибора внутри.

— Можно отсоединить? — спросила Марина.

— Не вижу куда.

Он просунул руку, нащупал кабель и осторожно вытянул петлю. Запаса оказалось достаточно ещё на ладонь. Марина посветила в щель. Кабель был подключён к маленькому сетевому разветвителю, приклеенному к внутренней стороне двери. От него уходили два тонких провода: один к панели, другой под потолок.

— Открытие должно было выдернуть связь? — спросила она.

— Или вырвать разъём и оставить след, что дверь откры-

вали. Подержите.

Антон снял разветвитель с липкой ленты и передал Марине. Теперь дверь распахнулась.

Аппаратная была меньше переводческой кабины. Две стойки занимали половину комнаты. На верхних полках мигали зелёные и жёлтые лампы, ниже стояли серые блоки с подписями «Климат», «Доступ», «Наблюдение». У дальней стены на складном столе работал обычный ноутбук. Рядом лежали три карты памяти, отвёртка и пустая кружка. Под столом гудел чёрный системный блок.

Стул был отодвинут, будто человек только что встал.

Марина направила фонарь на пол. В пыли виднелись следы ботинок. Они вели к узкой металлической дверце за стойкой.

— Здесь второй выход, — сказала она.

Антон проверил дверцу. Та была заперта с другой стороны и не имела ручки.

— Сервисный лаз или шкаф. Не ломаем.

— Значит, человек мог уйти отсюда?

— Если это проход.

На ноутбуке была открыта схема дома. Теперь она отличалась от той, что показывали в переговорной. На ней виднелись не только комнаты, но и линии питания, вентиляционные заслонки, насосы и все дверные датчики. Западное крыло стало синим. Рядом мигала надпись: «Температура 19,4. Падение».

— Мы нашли управление, — сказала Марина.

— Пока только экран.

Антон попросил всех оставаться за порогом. Сам не касался клавиатуры и сначала осмотрел стол. Под правым краем ноутбука лежал сложенный лист бумаги. Марина прочитала верхнюю строку, не двигая его: «Сценарий 3. Комната».

— Это не инструкция дома, — сказала она.

Елена попыталась войти, но Роман встал в дверях.

— Покажите, — потребовала она.

Антон снял лист телефоном, затем двумя пальцами развернул. На странице был список времени и действий.

«20:40 — ночной режим».

«20:55 — аудио 04».

«После попытки выхода — блок техкрыла».

«После доступа — снять западный климат».

Последняя строка была зачёркнута, но читалась: «Запросить перевод подтверждения».

Ниже от руки приписали: «Не давать открыть до первой версии».

— Твоим почерком? — спросила Марина Елену.

— Нет.

— Ты видела этот лист раньше?

— Нет.

Вера протиснулась ближе и посмотрела через плечо Романа.

— «Аудио 04» — это голос Олега?

— Скорее всего, — сказала Марина. — Но не трогайте компьютер.

— Здесь написано, что всё планировали. Елена, ты говорила, что не включала запись.

— Я её не включала.

— Но сценарий называется «Комната».

— Я не писала сценарий.

— Кто писал?

— Не знаю.

Марина смотрела на зачёркнутую строку. «Запросить перевод подтверждения». Не признание, не ответ и даже не расшифровку. Кому-то требовалось её профессиональное подтверждение, что определённые слова звучат именно так. Поэтому в дом позвали не просто подругу Олега, а переводчицу, чьё имя стояло рядом с его именем в старых материалах.

— Елена, — сказала она, — что ты собиралась попросить меня перевести сегодня?

— Материалы встречи.

— Здесь нет иностранцев.

— Записи и документы.

— Какие именно?

— Я не знала полного состава.

— Но согласилась на сценарий, в котором я подтверждаю перевод.

— Я согласилась на разговор.

— Не отвечай другой фразой.

Елена подошла вплотную к Роману.

— Меня уверили, что здесь будут исходная запись и человек, который назовёт автора русского распоряжения. Мари-на должна была подтвердить, что английская формулировка не могла появиться из того текста, который потом приложи-ли к делу.

— Кто уверил?

— Владелец материалов.

— Имя.

— Пока мы не вышли, оно вам не поможет.

— Оно поможет понять, чьи команды выполняет дом.

— Если назову не того, вы побежите за призраком.

— А сейчас мы бежим по твоим недоговорённостям.

Антон поднял ладонь.

— Спор потом. Здесь есть журнал событий.

Он показал на левую часть экрана. Строки шли сверху вниз, каждая с временем и именем пользователя. Ночной режим в 20:42 включила учётная запись `host-room`. Звук в 20:58 запустила `archive`. Дверь технического крыла закрыла `host-room`. Аварийное открытие аппаратной в 21:31 значи-лось под именем `local-panel`.

— Кто такая `host-room`? — спросил Максим.

— Учётная запись, а не человек, — ответил Антон. — На-до увидеть, с какого устройства вошли.

— Можно?

— Если журнал полный.

Он не нажал строку. Вместо этого сфотографировал весь экран частями, следя, чтобы время попадало на каждый кадр. Затем попросил Марину переписать события на бумагу. Она писала на обороте программы встречи, а он диктовал.

В 18:07 `archive` подключился к серверу.

В 18:11 на ноутбук Елены был передан звуковой файл.

В 20:40 `host-room` получила команду включить ночной режим с задержкой две минуты.

В 20:55 `archive` поставил аудио в очередь.

В 20:57 файл на ноутбуке Елены изменили.

В 20:58 началось воспроизведение.

В 21:02 закрылась дверь технического крыла.

— Здесь всё совпадает, — сказала Марина. — Значит, журнал доказывает хотя бы порядок действий.

— Нет, — ответил Антон. — Он показывает, что сервер записал такой порядок. Человек с полным доступом мог изменить и журнал.

— Как проверить?

— Сравнить с журналами самих дверных блоков. Они обычно хранят последние события отдельно.

На стойке «Доступ» был маленький экран с четырьмя кнопками. Антон открыл только просмотр. Последние события совпали по времени, но имена пользователей там отсутствовали. У каждого события стоял номер команды. Ночной

режим получил номер 1841, звук — 1843, закрытие технической двери — 1844. Команды 1840 и 1842 в списке не отображались.

— Пропуски? — спросила Марина.

— Команды могли относиться к другому устройству. Или записи удалены.

— Можно узнать?

— Не сейчас и не нажатием наугад.

В комнате стало тихо. Потом со стороны западного крыла коротко зазвенела труба.

— Отопление, — напомнила Анна.

На экране температура упала до 18,9.

Антон открыл раздел климата в режиме просмотра. Западный насос был серым, рядом горела надпись «Блокировка до завершения аварийного доступа». Кнопка «Завершить» находилась внизу окна.

— Если завершить, дверь снова закроется? — спросила Марина.

— Вероятно.

— А отопление включится?

— Вероятно.

— Не люблю это слово.

— В технике его говорят чаще, чем заказчики думают.

Марина посмотрела на открытую дверь и книги, удерживающие дальний проход. Чтобы вернуть тепло, нужно было отказаться от доступа к комнате, которую они только что

нашли. Если оставить дверь открытой, спальни остывали, а кто-то мог стереть данные через сеть. Любой выбор закрывал следующий.

— Сначала копируем журнал на бумагу и камеры, — сказала она. — Потом возвращаем отопление.

— А сервер? — спросила Вера. — Там исходники.

На нижней полке второй стойки стоял чёрный блок с четырьмя дисками. На наклейке было написано от руки: «Локальный архив». Два огонька мигали зелёным. Рядом в прозрачном кармане лежала схема замков: лист с планом этажей и номерами всех дверей.

Антон снял схему и разложил на столе. Кроме известных выходов, на ней был узкий ход от аппаратной к котельной, а от котельной — к гаражу. Но между аппаратной и ходом стояла дверь номер семнадцать. Та самая металлическая дверца за стойкой.

— Вот второй выход, — сказал Роман. — Открываем и идём к гаражу.

— Дверь семнадцать управляется только с котельной, — сказал Антон, сверившись с пометкой. — С этой стороны аварийной ручки нет.

— Значит, тот, кто был здесь, ушёл в котельную и запер за собой.

— Или дверь никогда не открывали. Следы могли оставить при монтаже.

Марина заметила на плане ещё одну линию. От котельной

шёл пунктир к старому корпусу пансионата. Подпись была почти стёрта: «Хозяйственный канал».

— Это путь наружу?

Елена увидела линию и побледнела.

— Павел говорил, что старый ход заложен.

— Когда говорил?

— На осмотре.

— Почему раньше не сказала?

— Потому что он заложен.

— А свежая колея ведёт к старому корпусу, — напомнил Роман. — И служебная машина появилась в гараже недавно.

Максим потребовал немедленно идти в котельную. Грановский поддержал его. Вера, наоборот, не отрывала взгляда от локального архива.

— Если выключить сервер, записи сохранятся? — спросила она.

— Возможно, — ответил Антон. — А возможно, повредится то, что сейчас записывается. Выключать не будем.

— Скопируйте диски.

— На что? Здесь могут быть терабайты.

— Тогда возьмём их с собой.

— И потеряем управление дверями.

— Управление и так у другого человека.

— Сейчас мы видим его действия. Без сервера останемся слепыми.

Вера вошла в комнату, несмотря на предупреждение. Ма-

рина перехватила её у стойки.

— Не трогай.

— Там голос моего брата.

— Возможно.

— Перестань говорить «возможно».

— Пока нет исходника, другого честного слова нет.

— Честного для кого? Для Грановского? Для тех, кто шесть лет объяснял, что Олег ошибся?

— Для Олега тоже. Если мы назовём монтаж его последней записью, настоящий файл потом сочтут ещё одной подделкой.

Вера дёрнула руку, но не стала вырываться. Елена смотрела на них из коридора и молчала. Марина вдруг поняла, что подруга ждала именно этой сцены: сестра погибшего требует немедленной правды, переводчица останавливает её ради правил. В таком столкновении Елена всегда могла остаться человеком посередине, который лишь создал условия.

— Ты привезла Веру, чтобы она заставляла меня торопиться? — спросила Марина.

Елена вздрогнула.

— Я привезла её, потому что она имеет право знать.

— Почему прятала?

— Грановский бы уехал.

— Значит, ты использовала её как внезапное обвинение.

— Я пыталась не дать ему подготовиться.

— И не дала подготовиться ей.

Вера высвободила руку уже без резкости.

— Не говори обо мне так, будто меня здесь нет.

Марина отступила.

— Ты права. Реши сама. Мы можем сфотографировать состояние архива, номера дисков и экран. Можем опечатать стойку подписями всех сторон. Копировать сейчас безопасно только отдельные файлы, происхождение которых понимаем. Забрать диски — значит отключить систему и, возможно, потерять выход.

Вера посмотрела на план дверей.

— Опечатать. Но я поставлю подпись.

— Все поставим.

Они сняли на видео стойку, индикаторы и наклейки дисков. Антон нашёл в ящике рулон бумажной ленты. Её наклеили так, чтобы нельзя было вынуть диски незаметно, и расписались: Вера, Марина, Анна, Грановский, Ланской. Елена последней поставила имя. Рядом с её подписью осталось мокрое пятно от ручки.

Антон сохранил фотографии журнала на две карты памяти, но не копировал данные сервера. Одну карту отдал Анне, вторую — Максиму. Марина записала номера пропущенных команд. Затем они вынесли из аппаратной схему замков и копию сценария. Оригиналы оставили на столе и сняли их положение.

— Завершаем аварийный доступ, — сказал Антон.

Все вышли в коридор. Он положил разветвитель на пол

так, чтобы кабель не попал под дверь. Марина оставила телефон с камерой напротив экрана. Антон нажал «Завершить».

На схеме западный насос стал зелёным. В трубах зашумела вода. Дверь аппаратной начала закрываться сама.

Антон успел подхватить телефон. Марина придержала дверь ладонью.

— Подождите.

На экране ноутбука появилась новая строка журнала. `archive` вошёл в систему в 21:49.

Кто-то подключился к серверу, пока они стояли в комнате.

— Снимайте, — сказал Антон.

Марина навела камеру. Строка исчезла. Вместо неё открылось окно локального архива. На экране появились четыре папки: «Исходники», «Переводы», «Признания» и «Марина».

Елена охнула.

Курсор двинулся сам и остановился над папкой «Марина».

— Отключить кабель? — спросил Роман.

— Поздно, — сказал Антон. — Он уже внутри.

Папка открылась. В ней лежали семь звуковых файлов и один текстовый документ. Названия состояли из дат. Самая поздняя дата была сегодняшней, время — 21:43.

— Нас записывали в этой комнате, — сказала Марина.

Курсор выделил сегодняшний файл и потянул его к кор-

зине.

Антон сорвался с места. Он не вошёл в комнату, а выдернул новый чёрный кабель из разветвителя на полу.

Экран замер. Полоса удаления остановилась на двенадцати процентах. Одновременно погасли лампы над стойкой «Наблюдение», а дверь дёрнулась у Марины в руке.

— Отпускайте! — крикнул Антон.

Она убрала пальцы. Дверь захлопнулась. Замок щёлкнул, панель снаружи погасла. В коридоре снова загорелась одна аварийная лампа.

Трубы западного крыла продолжали шуметь. Отопление вернулось. Но аппаратная теперь не отзывалась ни на кнопку, ни на ручку.

— Мы потеряли доступ, — сказал Максим.

Антон поднял с пола отключённый разветвитель.

— Зато оборвали внешнее управление.

— И удаление?

— Не знаю.

Вера ударила ладонью по двери.

— Там всё осталось!

— Там осталось то, чего мы не успели проверить, — сказала Марина. — А у нас есть журнал, схема и сценарий.

Она говорила спокойно, хотя собственное имя на экране продолжало стоять перед глазами. Семь файлов. Не один фрагмент с голосом Олега, не случайная старая переписка. Кто-то собирал её голос и её реакции отдельно от материа-

лов дела.

Антон осмотрел погасшую панель.

— Через эту дверь больше не войти без питания. Можно попробовать путь из котельной.

— Тот, кто подключался, где? — спросила Анна.

— Внутри сети. Может быть в доме, в старом корпусе или в машине рядом, если там стоит передатчик.

— Но внешней связи нет.

— Для внутренней она не нужна.

Елена взяла схему замков. Марина не позволила ей унести лист и держала второй край.

— Отпусти, — сказала Елена. — Я покажу котельную.

— Сначала назови владельца материалов.

— Это не связано с папкой твоего имени.

— Ты не можешь знать, пока скрываешь человека.

— Я дала слово.

— Олегу?

Елена помолчала.

— Нет.

— Живому человеку?

— Да.

— Он сейчас в доме?

— Я не знаю.

— Он мог написать этот сценарий?

Елена посмотрела на закрытую аппаратную.

— Да.

Это было первое прямое признание за весь вечер. Не имя, но граница стала видна. Елена не просто получила носитель через неизвестного посредника. Она договорилась с человеком, который готовил последовательность действий.

Марина отпустила схему.

— Тогда с этой минуты ты не ведёшь нас одна. К котельной идём все, дверь аппаратной остаётся опечатанной снаружи, а схема будет у Анны.

— Ты мне не доверяешь.

— Нет.

Слово оказалось легче, чем Марина ожидала. Елена побледнела, будто слышала не вывод из фактов, а конец многолетнего разговора.

Антон наклеил бумажную полосу на дверь аппаратной и поставил время. Все расписались снова. Когда Елена коснулась ручкой бумаги, из-за стены раздался короткий электронный сигнал.

Потом динамик в коридоре включился. На этот раз голос был не Олега. Говорил незнакомый мужчина, тихо и торопливо:

— Первая версия должна прозвучать до полуночи. Иначе дверь семнадцать останется закрытой.

Запись кончилась.

Марина посмотрела на схему. Дверь семнадцать отделяла их от котельной, гаража и возможного хозяйственного хода. Теперь неизвестный предлагал обмен: версия гибели Олега

за путь наружу.

Они открыли комнату без ключа и нашли в ней не выход, а условие следующей двери.

Глава 7. Первая версия

Никто не спросил, что значит «первая версия». Все уже поняли: неизвестному нужен рассказ о гибели Олега, произнесённый вслух и записанный домом.

Ланской первым вернулся в переговорную. Он шёл быстро, прижимая к груди папку с документами, которую до этого оставлял на столе. Грановский двинулся следом. Остальные задержались у библиотеки, пока Антон ещё раз проверял бумажную печать на двери аппаратной.

— Куда он? — спросила Вера.

— За своей версией, — ответила Марина.

В переговорной Ланской включил все лампы. Красный огонёк записи над кабиной не горел, но после аппаратной Марина больше не верила погасшим индикаторам. Антон снял сетевой кабель с настольного блока и осмотрел динамики.

— Считать, что нас слышат в любой комнате, — сказал он.

— Если хотите говорить без записи, такой комнаты сейчас нет.

— Тем лучше, — ответил Ланской. — Пусть слышат.

Он положил папку на стол и вынул прозрачный файл. Внутри лежали два комплекта бумаг, скреплённые разными зажимами. На верхнем листе стояло название старого договора и дата за три недели до гибели Олега.

Грановский не сел.

— Откуда это у вас?

— Из архива компании, который вы велели закрыть после служебного расследования.

— Я ничего не велел закрывать.

— Вы подписали перечень документов, переданных комиссии.

— Это не одно и то же.

— В перечне нет этого приложения.

Ланской достал первый лист и развернул его к Марине. Русский заголовок гласил: «Дополнительные условия передачи рабочих материалов». Под ним шли четыре пункта. Третий был выделен жёлтым.

— Читайте, — сказал он.

— Я прочту молча.

— Почему?

— Потому что кто-то требует версию до полуночи и записывает нас. Я не буду давать ему чистую дорожку.

Ланской недовольно поджал губы, но лист отпустил.

Третий пункт разрешал партнёру запросить копии исходных материалов, если независимые испытания не будут завершены к согласованной дате. Передача должна была произойти после письменного решения правообладателя. Это напоминало русский текст, который показывала Вера, но не совпадало с ним дословно.

Марина взяла английскую страницу из второго комплек-

та. Там стояло: 'If the independent tests are delayed beyond the agreed date, the source materials shall be transferred to the partner upon written request.'

Она прочла дважды.

— Это та фраза из записи, — сказала Вера.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— В записи было 'upon written request'. Здесь так же. Но на листе, который вы показали раньше, русский текст требовал письменного распоряжения правообладателя. Здесь — письменного решения. Это близко. Английский требует только письменного запроса партнёра. Это не близко.

— Значит, перевод изменили, — сказал Ланской.

— Значит, тексты не равны. Кто и на каком этапе изменил, пока неизвестно.

— Олег переводил приложение.

— Откуда вы знаете?

— Его имя в журнале.

— В каком журнале?

Ланской вынула ещё один лист. Это была таблица с датами, именами файлов и исполнителями. Напротив приложения стояло: «Перевод — О. Сафонов; проверка — М. Левина».

Марина почувствовала, как комната качнулась, хотя пол оставался неподвижен.

— Я это не проверяла.

— Ваше имя здесь.

— Вижу.

— Подпись тоже ваша.

Внизу стояли две короткие подписи. Олег расписывался размашисто, первая буква напоминала петлю. Рядом была маринина фамилия и росчерк, похожий на её обычный.

Елена подошла к столу.

— Ты подписывала журнал?

— Не помню этот лист.

— Это твоя подпись?

Марина наклонилась ближе, не касаясь бумаги. В её подписи последняя линия обычно возвращалась влево и перечёркивала первую букву. Здесь линия уходила вправо.

— Похожа. Но не такая, как я подписываю договоры.

— Шесть лет прошло, — сказал Грановский. — Подпись могла отличаться.

— Могла. Поэтому я не называю её поддельной.

— Но удобнее сказать, что ничего не помните.

Марина подняла глаза.

— Удобнее было бы согласиться. Тогда дверь, возможно, открыли бы.

Ланской постучал пальцем по английскому тексту.

— Здесь подмена не в подписи. В условии. Русский оригинал оставлял решение правообладателю. Английская версия передавала материалы по запросу партнёра. Из-за неё партнёр забрал рабочие файлы до испытаний. Через два дня

один из файлов оказался у конкурента.

— Из-за неё? — переспросила Марина. — Договор подписали обе стороны. Кто проверял двуязычный текст?

— Юридическая служба.

Ланской повернулся к Грановскому.

— Вы.

Грановский снял очки и начал протирать их платком.

— Я проверял соответствие условий решению совета. Не каждое слово перевода.

— Но подписали заключение, что версии равнозначны.

— На основании листа согласования.

— С подписью Марины, которой она не помнит.

— С подписью приглашённого специалиста. Вы хотите сказать, что я должен был проводить почерковедческую экспертизу каждого росчерка?

— Я хочу сказать, что вы подменили приложение после того, как совет его утвердил.

Слово прозвучало слишком готово. Ланской не пришёл к выводу в этой комнате. Он принёс его с собой.

Марина взглянула на часы: 21:56.

— Почему вы показываете бумаги только сейчас?

— Потому что до аппаратной не знал, что дверь связана с версией.

— Это объясняет, почему сейчас. Не объясняет, почему вы привезли их на встречу, которая называлась коммерческой.

Ланской помолчал.

— Елена попросила взять всё, что не вошло в служебное расследование.

— Когда?

— Неделю назад.

Елена закрыла глаза на мгновение.

— Я просила каждого привезти материалы.

— Мне ты сказала взять старые блокноты Олега, — заметила Вера.

— Потому что они были у тебя.

— А ему сказала взять скрытое приложение.

— Я не знала, что именно у него есть.

— Зато владелец материалов мог знать, — сказала Марина.

Елена не ответила.

Анна села на место во главе стола, которое раньше занимала как заказчик.

— Давайте установим происхождение каждого листа. Иначе мы сделаем то, чего хочет запись: назовём виновного по первой папке.

— У нас меньше двух часов, — сказал Максим.

— До чего? До обещанного закрытия двери, которая и так закрыта?

— До полуночи. Возможно, потом закроется не только семнадцатая.

— Поэтому нужно быстрее ошибиться?

Ланской выложил документы в ряд. Первый русский комплект имел в правом нижнем углу серую полосу от копировального аппарата. Английский был напечатан на более белой бумаге. Журнал согласования — на тонкой желтоватой.

— Я нашёл их в коробке с финансовыми приложениями, — сказал он. — Коробку должны были уничтожить после окончания срока хранения. Я забрал её, когда ликвидировали старый офис.

— Законно? — спросила Анна.

— Если хотите обсуждать вынос макулатуры, сначала откройте двери.

— Происхождение бумаги влияет на то, можно ли ей верить.

— Тогда не верьте. Но английское условие оказалось в подписанном договоре.

Марина сравнивала страницы. В русском тексте третий пункт занимал четыре строки. В английском — три. Номера страниц совпадали, но внизу русского листа стояла отметка «Приложение 3, редакция 2», а на английском — `Appendix 3, final`.

— Это разные редакции, — сказала она.

— Название файла ничего не доказывает, — ответил Грановский.

— Это не название файла. Напечатанная помета.

Ланской наклонился.

— Покажите.

Марина не отдала лист, а указала пальцем.

— Русский — вторая редакция. Английский — финальная. Чтобы утверждать подмену перевода, нужно видеть русский оригинал финальной редакции или английский перевод второй.

— Финальный русский текст был именно таким, — сказал Ланской.

— Откуда знаете?

— Я участвовал в совете.

— Помните дословно один пункт через шесть лет?

— Помню условие. Мы не отдавали материалы без решения правообладателя.

— Условие и формулировка — не одно и то же.

— Вы защищаете Грановского?

— Я защищаю разницу между двумя документами.

Ланской резко выдернул русский лист из-под её пальца.

— Из-за этой разницы погиб человек.

— Мы пока не знаем, из-за чего погиб Олег.

— Он нашёл подмену и собирался сообщить совету.

— Это ваша версия?

— Это факт.

— Чем подтверждён?

Ланской открыл папку и вынул маленький блокнот в чёрной обложке. На резинке висела бумажная бирка с номером. Вера ахнула.

— Это его.

— Откуда он у вас? — спросила Елена.

— Лежал в той же коробке.

— Вы шесть лет держали блокнот Олега и не сказали семье?

— Я увидел его только при переезде.

— Когда?

— Весной.

Вера протянула руку.

— Отдайте.

Ланской не отдал.

— Сначала одна страница.

— Это вещь моего брата.

— И доказательство.

— Вы украли её.

— Я сохранил то, что другие выбросили бы.

Марина встала между ними.

— Снимем нужную страницу, потом блокнот останется у Веры. Не у Елены, не у Ланского.

— А если там клиентские сведения? — спросил Грановский.

— Тогда тем более не будем листать вслух.

Ланской раскрыл блокнот на заложенной странице. Почерк Олега Марина узнала сразу: мелкие буквы, острые соединения, английские слова чуть крупнее русских. Вверху стояла дата за день до подписания договора. Ниже:

«Р2: только решение П.»

«EN final: request партнёра».

«Спросить С. К. — кто дал строку».

«М. видела записку?»

Последняя строка была обведена.

— М. — это ты, — сказала Елена.

— Возможно.

— Сколько ещё Марин работало с ним?

— Не знаю.

— Он присылал тебе записку.

— Да. Но позже.

Марина назвала дату сообщения. Она помнила её не потому, что хранила каждый разговор, а потому, что в тот вечер сидела в больничном коридоре с матерью. Олег прислал фотографию, пока врач объяснял, сколько будет стоить следующий курс восстановления. Марина ответила коротко и вернулась к цифрам в смете.

— В блокноте запись за день до подписания, — сказала она. — Мне он написал через два дня после подписания.

— Почему после? — спросила Вера.

— Сказал, что нашёл в архиве записку и хочет понять, достаточно ли её для перевода.

— Значит, он уже знал о расхождении.

— Возможно, подозревал.

— И ты сказала, что перевод возможен.

Марина вспомнила свой ответ почти дословно. «Если это распоряжение заказчика, можно перевести так, но сохрани

исходник». Тогда ей казалось, что она дала осторожный профессиональный совет. После смерти Олега эта осторожность стала лазейкой: компания утверждала, что он сам признал достаточность записки.

— Я сказала, что формулировка возможна, если записка действительно распоряжение заказчика. И попросила сохранить оригинал.

— Ты видела русский текст?

— На фотографии была одна фраза от руки: «при задержке передать материалы по письменному запросу». Без слова «партнёра» и без «решения правообладателя».

Грановский надел очки.

— То есть английский текст соответствует записке.

— Одному возможному прочтению записки. Но не русскому приложению, которое лежит на столе.

— Вы подтвердили допустимость перевода.

— В личной переписке, условно и без договора перед глазами.

— Тем не менее подтвердили.

Марина услышала, как её ответ превращают в тот самый «перевод подтверждения» из сценария. Незнакомому не требовалась целая история. Ему нужна была короткая фраза, которую можно поставить рядом с подписью в журнале: Марина Левина подтвердила допустимость английского условия.

— Нет, — сказала она. — Я подтвердила только, что от-

дельную записку можно понять таким образом. Я не видела, что эта строка заменяет решение правообладателя запросом партнёра. Это разные действия и разные полномочия.

Красная лампа над кабиной вспыхнула.

Антон немедленно поднялся, но Марина остановила его.

— Пусть горит.

— Нас записывают.

— Поэтому повторяю точно.

Она повернулась к кабине.

— Я не подтверждаю равнозначность документов на столе. Русский лист — редакция вторая, английский — финальная. В русском для передачи нужно решение правообладателя. В английском достаточно письменного запроса партнёра. Мой старый ответ Олегу касался отдельной рукописной фразы без договора и не подтверждал этот английский текст.

Лампа мигнула и погасла.

— Не понравилось, — сказал Роман.

Грановский собрался что-то сказать, но Ланской перебил:

— Хватит прятаться за редакциями. Вы получили второй русский вариант, заменили страницу и подложили английский финальный текст на подпись.

— Зачем мне это?

— Костин приказал.

— Сергей Костин не был моим начальником.

— Он контролировал оплату юридических услуг.

— Это не значит, что я выполнял преступные просьбы.

— Вы убрали его имя из заключения.

— Его имя не имело отношения к несчастному случаю.

— Он дал опасное условие без исходника.

— Условие договора не толкало Сафонова под машину.

Вера шагнула к нему.

— Не называйте его так.

Грановский замолчал.

— Как? — спросил он тише.

— Сафоновым. Будто вы читаете заключение. Его звали Олег.

— Я помню.

— Нет. Вы помните формулировку: вышел на проезжую часть в неподобающем месте. Вы её подписали.

— Потому что так установила проверка.

— Проверка вашей компании.

— Полиция тоже.

— Полиция получила ваши бумаги.

Елена встала рядом с Верой. Теперь они выглядели как две стороны одного обвинения, заранее поставленные перед Грановским. Марина увидела, как легко комната выстраивает роли: погибший, семья, юрист, скрывший имя, переводчица, способная подтвердить подмену. Ланской уже предложил первую версию, и она была достаточно стройной, чтобы вытеснить всё неизвестное.

— Стоп, — сказала Марина.

Елена обернулась.

— Что ещё тебе нужно?

— Понять, зачем Ланской держал эти документы до требования о версии.

— Я объяснил, — сказал он.

— Нет. Вы сказали, где нашли. Но блокнот лежал у вас с весны. Елена пригласила вас неделю назад. Вы могли передать его Вере, полиции, адвокату. Вместо этого привезли сюда и вынули после голоса из стены.

— Я хотел услышать остальных.

— Или ждали, когда обвинение станет ценой выхода.

Ланской побагровел.

— Вы обвиняете меня в сговоре с человеком, который запер дом?

— Я спрашиваю, почему ваши действия совпали с его сроком.

— Потому что я хочу выйти.

— Тогда особенно важно, что вы готовы сказать ради двери.

Анна попросила блокнот. Ланской неохотно передал его Вере, а Вера — Анне для съёмки заложенной страницы. Остальные страницы не открывали. Максим записал происхождение документов со слов Ланского и время предъявления.

— Теперь Грановский, — сказал Роман. — Ваша версия.

— У меня нет версии. Есть документы расследования.

— В которых нет Костина.

- Потому что Костин не был участником поездки Олега.
- Но участвовал в договоре.
- В подготовке договора участвовали десятки людей.
- И только один дал строку без исходника.

Грановский сел. Впервые за вечер его костюм выглядел не бронёй, а одеждой уставшего пожилого человека.

— Ланской лжёт в одном, — сказал он. — Я не подменял приложение. Когда пакет пришёл ко мне на заключение, обе версии уже были в том виде, который подписали. Русская страница называлась второй редакцией, английская — финальной. Я заметил это.

Ланской ударил ладонью по столу.

— И подписали равнозначность!

— Потому что получил лист согласования с подписью переводчика и проверяющего.

— Подпись проверяющего поддельная.

— Сегодня Марина сказала только, что не помнит.

— Вы связались с ней?

— Нет.

— Почему?

Грановский посмотрел на Марину.

— Потому что Олег устно подтвердил, что вопрос снят.

В комнате стало тихо.

— Когда? — спросила Марина.

— В день подписания. Он пришёл ко мне и сказал, что получил пояснение заказчика.

— Чьё?

— Костина.

— Сергей Костин не был заказчиком, — заметил Ланской.

— Он говорил от имени совета.

— Устно?

— Да.

— И вы приняли устное пояснение к условию о письменном решении?

Грановский сжал платок в кулаке.

— Я принял подпись переводчика и проверяющего. Разговор был дополнительным подтверждением.

— Сохранилась запись? — спросила Марина.

— Нет.

— Письмо?

— Нет.

— Свидетель?

— Секретарь была в приёмной.

Марина вспомнила его признание после аудио: на спорной встрече были письменный протокол и секретарь, имя которой он якобы не помнил.

— Та же секретарь, которая вела протокол?

— Возможно.

— Имя.

— Я сказал, что не помню.

— Вы помните разговор шестилетней давности, слова Олега и основание заключения, но не человека за дверью?

— Я работал с десятками секретарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.